

84(2.Рос-Рис)С

Г 19

Елизавета
ГАНЮПОВСКАЯ

**МОТОК
СТИХОПЛЕТНЫХ
КРУЖЕВ**

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--

Ганопольская Елизавета Михайловна.

Родилась в Кировограде (Украина) в 1969 г., живёт в Тюмени. Закончила Литературный институт им. А.М. Горького. Журналист-фрилансер.

Журналистские публикации с 1985 г., последние десять лет пишет о культурной жизни региона. Стихотворные публикации с 1987 г., в прессе, в коллективных сборниках, две книги стихов.

22

84(2Рос = Рус)6
Г 19

Моток
стихоплетных
кружев

Елизавета Ганопольская

МОТОК СТИХОПЛЕТНЫХ КРУЖЕВ

*Избранная лирика.
Пьесы*

41

-89159-1

4

Тюмень
Мандр и Ка
2009

а/4

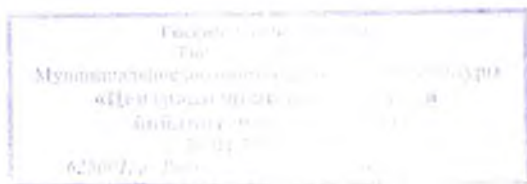
ББК 84.5

Г 19

- Г 19** Ганопольская Е. М. Моток стихоплетных кружев : избранная лирика ; пьесы / Елизавета Ганопольская ; вст. ст. Ю. Мандрики. — Тюмень : Мандр и Ка, 2009. — 128 с. + 1 с. ил. — Приложение к журналу «Лук & Чок» : Тюмень полосатая.

Лирика Елизаветы Ганопольской знакома читателю своей интонацией по предыдущим поэтическим сборникам.

В драматургии поэтесса делает лишь первые шаги. Автор пытается на современном материале осмыслить понятия добра и зла, коллизии, которые вечны.

© Ганопольская Е.М., 2009.

© Мандрика Ю.Л. (вступительная статья), 2009.

© Кухтерин А.С. (иллюстрации), 2009.

© Мандр и Ка (издание, оформление), 2009.

ISBN 5-93020-416-0

«Стихи никому не нужны...»

В строку стихотворения вплетена даже не мысль поэта, а состояние поколения безвременья. Банальная грамматика рифмы требует «весны», в спираль ассоциативного поля которой должна вписаться логика даже не стиха, а состояния пишущего. К тому же не только не робеющего перед чистым листом бумаги, но знающего: перчатку поэтического вызова бросить особо некому. Давно в ближайшей округе у всех слушаются не стихи. А лишь тексты...

Для меня творчество Елизаветы — это всегда, как выразилась она в одном из стихотворений, ощущение «казенного дома» с запахом «тоски», «хлорки», «кислой капусты» и «застиранных тряпок». «Моток стихоплетных кружев» настолько пропитан будничностью, что в ней «поэту всегда одиноко», «никто никому не нужен» и «ничто до конца не сгорает»:

Тусклые окна в холодной ночи
не обещают приюта,
двери глухие — стучи не стучи,
нужен ты больно кому-то!

От соприкосновения со звуком стиха возникает ощущение не женской чувственности, но трезвого мужского расчета. Даже выползшие в заголовки «Любовь № 16», «Любовь № 17», «Любовь № 18/19» похожи не на женскую блажь, а на генерирование в сотворчестве с читателем итогового файла, имеющего в основе своего ядра некий алгоритм. Разберешься в нем — поймешь душевный надрыв поэта. Хотя где-то внутри тебя как читателя давно вызывает протест сентенция, что «проще любить стихи, нежели их автора». А разорвать одно с другим ох как непросто. Потому что каждая ее крепко

выстроенная строка оттенена интонацией великой эпохи хрупкой Елизаветы, весьма уравновешенной в этой жизни, но никогда не бесцветной. Ее поэтический дом — «холодный лес над памятью листвы» — опрокинуть на себя так же сложно, как и проникнуть в придуманный Лизкой мир стиха. Интонация звукописи усложняет эквilibр смысла:

Унесенный в облака и выше,
Плачешь ли, поешь — и не боишься
Ничего. Ни смерти. Ни бессмертья.
И паришь, пока не испаришься.

В реальности ведь все может быть иначе. И отсутствие заголовков у стихотворений — лучшее тому подтверждение: нет номинативных ситуаций. Жизнь удивительно позволяет лишь «видеть в зеркале свое воображение». И только оставшаяся ипостась перечеркивает виртуальность компьютерной строки, совмещая подлежащее и сказуемое в слове «поэт» («поэтесса»):

Я устала,
Или я отстала.
Или еду в сторону не ту.
Дети, деньги, телесериалы —
что мою заполнит пустоту?

Елизавета различает этих эльфов по половому признаку, оставляя за женщиной право бояться «молний, мышей и остаться без мужа». О любви ли идет речь? Просто сыну нужен отец. И при этом ни слова в стихах о маленьком мужчине, спрятанного от целого мира в подтекст, определяющий смысл бытия Поэтессы.

Просто «любовь исказила ...черты — опять» и эхом обернулась в «старчески бессмысленный оскал» пианино, но уже из другого стиха. Но мотив общий: пугает, но не играет. Остается все тот же страх «остаться без мужа», считай не считай, какая по счету любовь:

И плачу дорбгой.
А может, не плачу — смеюсь.

Ведь это смешно:
уходила к себе от себя
и вот возвращаюсь...
Как прежде, себя не любя.

Иногда начинаешь автора подозревать в излишней русской ментальности, если такова бытует: кто же станет делиться с другим чем-то даже хорошим, особенно когда «в твоём огне корчатся темные судьбы, трещат слова»? Вдруг еще позавидуют (в подтексте — сглазят)... Но в «соседних окнах свет горит», и верится как никогда «чужому, но близкому». И в этой жизни вполне хватило бы на двоих «обнявшись, ехать и ехать... и даже не смотреть друг на друга, а только по сторонам»...

Из трезвого мужского расчета современной женщины понемногу вырастает в воображении поэта Та, которая «мешает. Смущают всех ее коленки и громкий смех». Все на месте: и наряд, и «ярко глаза блестят». Да вот только слово «любовь» никак не вырисовывается в стихах:

Ветер и лай недобитых собак,
тьма и невежество улиц.
Нужен ты больно кому-то, босяк!
Все от тебя отвернулись.

Иногда так хочется понять, где в стихах «Она», а где — лирическое «Я», а где — вопреки всем литературоведческим измам — поэтическое кокетство? Кто в ее творчестве Отец? Где Сын? И что есть Святой дух? Наше многолетнее знакомство не подсказывает ответа.

Да Лизку и саму иногда мучит шипящей строкой тот же вопрос, может, потому, что «поэту всегда одиноко»:

Он всегда глубже, выше и дальше,
он как кость в нашем смешанном фарше.
Перемелешь его,
глядь — и нет ничего.
Ничего, кроме фальши.

Поэт живет предвкушением пока не случившегося. Ожидает то самое, облаченное в магию словес, умеющее в жизни

быть и субъектом, и объектом, и действием. Хуже, когда хотя бы один элемент из этой игры выпадает. Поэт взывает к читателю:

Входите, дверь открыта!

Это дверь со сломанным замком.

Одиночество поэта лепится, скорее всего, в русле традиций русской литературы. В воображаемой Елизаветой жизни все по-другому: «чай с подругой», «ищут мне работу по душе», «в гости мне хочется к Вале и Ане». Понимаешь крик об одиночестве как прием, как гротескное желание жизни, удавшейся во всех ее, как теперь модно выражаться, парадигмах.

Иногда в малонаселенные стихи Лизы проникает страх безвестности, который по напряженности равновелик поэтической ситуации «остаться без мужа». Ее пугает судьба окаменеть в веках «черной шпилькой на бумаге».

И где-то начинаешь понимать, что вся эта обыденность заставляет поэта слышать, что «сердце ее стучит», но слово «любовь» пока просится только в заголовки. Безумодейство любви лишь обезобразило бы их, и, может, была бы утрачена нить поэтической вязи. Только номинация!

Ветер ревет. Или кто-то зовет?

Помощи ждет ниоткуда?

Ну же, бездомный! Смелее вперед!

Нужен ты. Больно кому-то.

В последней строке словесно-синтаксической игры предлюбовной поэзы, в которой слово теряет прежнее значение, но еще и не обретает новое, мне хочется вместо точек поставить многоточия... Метафоре одиночества так хочется преодолеть состояние категоричности запевной строки: «Стихи никому не нужны...»

Ю. Мандрика

P.S. Мой лизочек так уж мал...

СТИХИ

Избранная лирика

Вальс

Мужчины встали в ряд,
причёсаны, побриты.
И дамы встали в ряд,
панбархатом облиты.
Закруживался вальс
свирепо и усердно,
и музыка впилась
в тела немилосердно.
Ах, до чего милы
и туфли, и наряды!
Ах, до чего смелы
движенья, мысли, взгляды!
И в пудре, как в мелу,
надушены без меры
всех лучше на балу,
конечно, офицеры —
изломанная бровь,
мундиры с галунами
и кончики усов,
спалённые щипцами.
Ах, как они глядят —
глазами конокрада.
Ах, как они молчат!
Тогда и там, где надо.
Всё больше суета,
до головокруженья,
всё ближе тошнота
и факт грехопаденья.

Ах, новая любовь!
Потёртая местами.
Ах, кончики усов,
спалённые устами!

1987

* * *

Этот мир согрет чужим дыханьем
и для зренья твоего нечётко.
Тёплый позвоночник крупных чёток,
позабытых под шерстистой тканью,
ощутишь талантливой рукой.
Голубой мешочек с вялой пылью,
ранее — с а ш ё ,
и пианино старчески бессмысленный оскал,
стул с отполированным сиденьем
или блюдо с высохшим вареньем...
Досок скрип, щербатые перила;
вся веранда жмурится на солнце,
и прозрачный чай в ребристых чашках
до сих пор, должно быть, не остыл.
Выйдешь в сад, приснившийся когда-то...
Выйдешь в сад, придуманный когда-то...
Выйдешь в сад с расплюсченной листвою,
наконец-то стало видно небо,
мелких листьев золотой остаток
ветер вновь и вновь переберёт,
словно бы раздумывая, прежде
чем потратить их в последний раз.
Горький запах осени, качели —
пара разлохмаченных верёвок,
а как будто — времени полёт:
и чужих колонн оттенков ржавый,
веер лестниц и прудов покой,
веток треск... И ты асфальт шершавый
ощутишь ободранной рукой.

1988

* * *

Любовь исказила мои черты —
опять
набежавшей волной искривила моё отражение.
И обновила песок, сгладив ямки и насыпи.
И отошла, замутнённая этим песком.

1989

* * *

В чёрном окне
проявляется белый город.
Последние сны
отходят в страну теней,
смещая друг друга на стенах.
Им надо успеть,
пока первый автомобиль
не вспугнёт придорожную охапку листьев
и будильник запрыгает на полированной полке.
...сознание, очнувшись,
бежит в опустевшие гнезда,
и шарит по стенам огонь:
лишь три измерения
он выхватит у темноты.
Когда за спиною солнца сияют звезды —
подобно тому, как за каждым живым
сотни утасших глаз,
мы покидаем страну теней,
спеша и боясь оглянуться.
...пока не задрожит под колёсами
полированная полка и охапка листьев
накроет усопший будильник.

1988–1989

* * *

Женщина любит
красиво лежать,
когда она одна,
и видеть в зеркале
своё
воображение.

1989

* * *

Точно лоно моё
отзывалась гитара на его ласку.
Струны вздрагивали
и гудели от напряженья.
Но он всё требовательнее
искал созвучья — и вот
разбуженная гитара
начала предугадывать
движение пальцев.
...когда он целует меня,
у него такое же розовое лицо, как сейчас,
глаза точно так же прикрыты,
ресницы дрожат,
словно спарившиеся бабочки.
Он опускает лоб к раскалённым струнам
и медленно слушает
небесного сердца стук,
отсчитывающий время.
На миг он посмотрит горячим
разнеженным взглядом
и тут же, забыв обо мне,
устремится ввысь
ослепшим прекрасным лицом.
...но вот он по грифу скользит
искривлённым пальцем,
сдерживая нарастание звуков,
и затихает прерывистое дыханье
чужой гитары.

1988–1989

* * *

Там, где нас нет и никогда не будет,
Берег слоновой кости
омыт лазурью,
роза ветров тихонько
шуршит лепестками,
и веет розовым маслом
повсюду, повсюду...
Там, где нас нет и никогда не будет,
зыбкие дюны сползают в море,
а море
нервно следит за небом,
а небо хмуро
сыплет дождями
на зыбкие влажные дюны..
Там, где нас нет и никогда не будет,
в зябкую воду спускается тёмный лист...

1989

* * *

Ты красиво горишь,
ярко-красное платье свободы.
В твоём огне
корчатся тёмные судьбы,
трещат слова,
и беспомощный пепел,
сухая зола
никого не путают.
Только потом
белый дым начинает щипать глаза,
и ходят недоумённо люди,
размазывая по лицу дёготь,
вокруг обгоревшего бытия.
Ведь ничто до конца
не сгорает.

1989

* * *

Но сколько чёрных дамских шпилек
разбросано по всей литературе!
Собраться бы хоть раз и подсчитать.
Прозаики, поэты, драматурги
их собирают бережно в ладонь —
всё ж люди бедные, в хозяйстве пригодится.
А женщина — нарочно ли, не знаю, —
рассеянна, кокетлива, небрежна,
повсюду, на столе и на полу,
и — непременно — на чужой подушке
оставит шпильку.
Знала бы она,
что не её, а шпильку будут помнить
прозаики, поэты, драматурги.

Вкус яблока останется во рту,
но рая вкус утрачен безвозвратно.
С тех пор так беззащитны спины,
если вдруг
дохнёт небытия знакомый холод,
серебряными змейками скользнёт
между лопаток...
Страшно оглянуться,
когда взъерошит волосы рука
и ледяными пальцами коснётся
виска.
После всего, неужто мой удел —
остаться чёрной шпилькой на бумаге?

1989

* * *

Замри, многоступенчатое эхо:
ты падаешь, а может быть, летишь.
Разинутые бездны ждут ответа...
(Стоп-кадр, мгновенье, пропадает звук.)
О ветви зацепилась паутина,
лишь мокрой кожей ветер ощутим,
и смертным сердцем ощутима вечность.
Тяжёлый куб поставлен на ребро...
(Мгновенье, вспышка, чёткая картинка.)
Усилье вдоха — и повернут куб.
На дне морском...

на дне мирском

так трудно

припомнить запах соли и воды,
когда у самых глаз плескались волны,
что в зеркало сомкнулись над тобой.
...Щекочет нос и губы одуванчик,
в нём есть неуловимое тепло.
Живое тело в прорезях рубашки,
у тонкой ткани тёмно-белый цвет
И мёртвый цвет потухшего экрана.

1989

* * *

Скульптор лепит лицо любимой:
белый овал между тёплых ладоней.
Лишь мотылёк блестит в луче,
и клён, прислонившись к стеклу,
зеленеет, желтеет и облетает.

1989

1. Поэт

Я сотни лет на этом свете жил.
И тысячи — на том.
Я сотни раз кого-то хоронил,
Чтоб жить потом.
Холодный лес над памятью листвы —
Мой новый дом.
И все, кого любил, опять мертвы.
Чтоб жить потом.

2. Поэтесса

Ты не боишься всё время писать в рифму
о себе, о своих близких?
Ты не боишься всё время писать
о себе, о своих близких?
Ты не боишься всё время писать?
Я боюсь молний, мышей и остаться без мужа.

1990

* * *

...и мать их Софья!
Бросили на перекрёстке дорог,
уводящих в три стороны света:
вверх, вперёд, назад.
Сентябрь разгорался
пиром во время чумы,
похмелье настало,
когда осенённые листья
припали к корням.
И бездумно глядят поля
в такое же голое небо.
Здесь уже не укрыться,
когда зашумит весна
и начнётся движенье:
от неба к земле,
от зари до зари,
от эпохи к эпохе.
Перемелют в муку —
вот как будут добры ко мне,
пригвождённой к развилке дорог
на долгую-долгую зиму
без надежды вперёд заглянуть,
без любви оглянуться назад
и без веры смотреть
в такое же голое небо.

1992

* * *

Гулкое небо с бурунами облаков
вновь накатило на город —
прилив начинается.
Глупо и радостно заголубели окна,
мокрые стёкла скрипят под лучами,
забыв,
что небо опять уйдёт
и высоко взглянет,
холодно взглянет,
свинцово сомкнёт уста.
Город, не видевший моря,
не знающий тяжкой его любви,
чист и неопытен с небом,
легко дышит.
Прилив продолжается,
уже невидим, но слышим
после того, как солнце
осядет в шипящий снег
и по стенам домов
пробежит последняя дрожь света.
Ночью небо приходит
в своём первозданном виде:
чёрной бездной,
где немало разбилось надежда
и на дне мокрым золотом
переливаются звёзды.
Оно не отдаст
накопленных им богатств,
если только не сбудется старое предсказанье

...и земля с содроганием примет обратно поток
надувных шаров, пузырей
и воздушных замков,
вперемешку с прозрачными
ломкими крыльями снов,
где молитвы попарно с проклятиями,
мысли — со вздохами
...и смывает живое
губительный ливень слов.

1993

* * *

Он приступал к убийству осторожно.
Казалось, тихо спрашивал: «А можно?»
«Конечно, можно!» — петушилась я,
надежду на спасение тая.
Подумаешь, убьёт!
А я воскресну!
Возьму и сочиню другую песню.
Такую песню! Лучше, чем была.
И с новой песней на закланье шла.
Он не сказал, что это безнадежно.
Был безнадежен взгляд его:
«Ну, можно?»
Тут даже феникс выгорит дотла.

«Вы, — говорил он, — милый человечек,
поэтом вам не быть, но так-то легче».
Он был поэт. Он знал, что говорил.
А все же получилось, что убил.
Три года не было стихов.
«Три года»?
Эх, Чехов, он любил его за что-то.
Усталый, мудрый, ироничный взгляд
и тонкая улыбка их роднят.
Так скуп на лице. Так щедро в мыслях.
Так далеко от наших ягод кислых.
И так жестоко.
Что бы он сказал,
когда б и эти строки прочитал?

«Вы симпатичный, славный человек,
но...».

И ружьё стреляет без осечек.

1997

* * *

«Не так, не так» — часы стучат.
«Не здесь, не здесь» — ключи бренчат.
«Не дам, не дам» — грозитя гром.
«Не ты» — захлопнет двери дом.
«Нельзя» — смеётся лёд. «Не тот» —
капель. «Не та» — метель метёт.
«Нет-нет, нет-нет, нет-нет, нет-нет» —
в небытие уходит след.

1999

* * *

В холодной стране Одиноко
дождь чаще бывает, чем солнце.
Он утром приходит с востока
как хмурый привет от японца.
Обложит стеной пограничной,
чтоб белого света не видеть.
Занудливо и методично
припомнит тебе все обиды.
Он крыши, карнизы и кроны —
до листика! — пересчитает
и, даром что их миллионы,
по новой свой счёт начинается.
Работа его бесполезна,
судьба его бесперспективна.
Он точно собьётся, болезный,
на путь беспробудного ливня.
Без счёту разбросаны листья
по лужам дрожащим, бесстыжим;
безумен, растрёпан, расхристан,
дождь пляшет вприсядку по крышам.
Ещё и ещё он швыряет
листву, обливаясь слезами.
Он изгнан из ясного рая.
Изгнанник, забудь о сезаме.
В холодной стране Одиноко
устроиться можно уютно.
О жизнь моя — ветер с востока.
О смерть моя — ясное утро.

1999

* * *

Луком, перцем, чесноком и табаком
пахнет дом, где вечно лето за окном.
Южным солнцем он пропитан,
виноградом весь увит он.
Сбросьте туфли
и входите босиком.
Два сервиза в горке в такт шагам звенят,
на плите варенья весело шипят,
на диванчике замшелом
ждёт хозяин. Болен телом,
но душой здоров,
гостям душевно рад.
Он один живёт здесь.
Много, много лет...
Столько лет, сколько жены на свете нет.
Милой Розы, нежной Розы...
Он в морщинах прячет слёзы
и разглаживает память, словно плед.
Сам хозяйничал, пока хватало сил,
а потом соседку Дашу попросил.
Говорят, что воровата,
да живёт он небогато,
нет такого, чем бы сильно дорожил.
Аромат варенья сладок и душист.
Угоститесь, если Даша разрешит.
Пыль, на солнце золотая,
с горки в такт шагам слетает
и ещё секунду в воздухе дрожит...

1999

* * *

Тусклые окна в холодной ночи
не обещают приюта,
двери глухие — стучи не стучи,
нужен ты больно кому-то!
Ветер и лай недобитых собак,
тьма и невежество улиц.
Нужен ты больно кому-то, босяк!
Все от тебя отвернулись.
Ветер ревёт. Или кто-то зовёт?
Помощи ждёт ниоткуда?
Ну же, бездомный! Смелее вперёд!
Нужен ты. Больно кому-то.

1999

* * *

А поэту всегда одиноко,
потому он и сгинет до срока.
И никто не поймёт,
пусть хоть вечность пройдёт,
как он мыслил глубоко.
Его мысли значительно
глубже,
чем тюменской окраины лужи.
И никто не рискнёт,
до него не нырнёт.
А он против к тому же.
А поэту всегда одиноко,
потому он и пьёт слишком много.
Видят, что он в пальто,
но не видит никто:
он летает высоко.
Выше, чем цены подняты,
выше,
чем известное имя в афише.
И никто не поймёт,
что он не самолёт —
ведь летает он тише.
А поэту всегда одиноко,
жить, дружить с ним —
сплошная морока.
Он попал в переплёт,
но никто не поймёт,
как он видел далёко.

Он всегда глубже, выше и дальше,
он как кость в нашем смешанном фарше.
Перемелешь его,
глядь — и нет ничего.
Ничего, кроме фальши.
А поэту всегда одиноко,
он примат с одного только бока,
а с другого — примят.
Может, в спешке зачат
обезьяной от бога.
Одиноко ему, одиноко!
Нет приюта, родного порога.
Он сквозь стены идёт,
не поймет, *идиёт*,
что есть проще дорога.

1999

* * *

Масляной краской пахнуло знакомо...
Век не забуду казённого дома.
Хлорки его и молочного супа —
сад № 70, младшая группа.
Запах тоски.
Самый будничный запах —
кислой капусты,
застиранных тряпок.
Прочно впитала я порами всеми
душное детство,
вонючее время.
Память не справишь хлыстом или шпорой,
прянет —
и я потеряю опору.
И понесёт на волне аромата
в бывшее где-то со мною когда-то.
...дунет в лицо холодок минеральный —
я в Вавилон окунаюсь вокзальный,
гул голосов, громыханье тележек,
сонмище лиц и рубашек несвежих.
Что меня держит? Я тоже уеду!
К морю!
В Париж!
На другую планету!
...жареным луком из форточки тянет.
В гости мне хочется к Вале и Ане;
в дом, где мы жили; где двор тополиный;
день, до неправдоподобия длинный.

...мокрыми соснами ветер повеет —
и комсомолец, что нынче говееет,
первой любовью, дождливой весною
всё заслонит, что случилось со мною.
Вёсен пятнадцать назад это было:
я между сосен бесцельно бродила —
шорох дождя,

гром глухой в отдаленье,
старой беседки сквозное плетенье,
и — никого.

Одинокое счастье.

Всепоглощающий запах ненастья.

...он возвращает мне давнее что-то,
странное что-то,

как чувство полёта,
что-то, что я потеряла, взрослея.

...в пасмурном парке пустая аллея,
влажные листья, поддавшись порыву,
плещут — и вновь опадают.

К обрыву

тянется парк...

2000

* * *

Давно я ушла,
а теперь возвращаюсь.
К себе.
Шагаю легко
по истоптанной мною
тропе.
Чем ближе к себе,
тем быстрее иду,
торопаюсь.
И плачу дорбогой.
А может, не плачу —
смеюсь.
Ведь это смешно:
уходила к себе от себя,
и вот возвращаюсь...
Как прежде, себя не любя.
Ведь это печально...
Мой дом,
мой запущенный сад.
От дома сквозь сад
манит та же тропинка.
Назад.
2000

* * *

Актальный зал весны
пуст и гол.
Стулья не внесены,
не зашаркан пол.
Хочешь — кричи, пой,
греми, стучи!
Зал этот нынче твой,
у тебя ключи.
Воздух до боли чист.
Ясен до слёз свет.
Ты гениальный артист!
Жаль, зрителей нет.
Грудь пе-ре-пол-не-на
миром людей и зверей,
лесов и полей,
рек и морей,
вселенной всей!
Звонко хохочет весна
над шуткой своей.

2000

* * *

Ломая шпингалеты,
влетает в кабинеты,
срывает двери с петель
весёлый вольный ветер.
Да здравствует уборка
и въедливая хлорка!
Напористо и бодро
вода бренчит по вёдрам,
позвякивают швабры,
бросаясь на пол храбро,
пищат под губкой стены,
повсюду — клочья пены.
По коридорам школьным
гуляет ветер вольный.
Лучи на стеклах чистых
разучивают твисты.
А двери и фрамуги
танцуют бути-вуги.

2000

* * *

Её не звали —
сама пришла.
И так некстати!
У всех дела.
Любовь ей имя
или весна...
Да как ни звали бы —
не звана!
Как бы ни звали:
икс, игрек, зет —
здесь все при деле.
Ей дела нет!
Она мешает.
Смущают всех
её коленки
и громкий смех,
здесь неуместен
её наряд,
и слишком ярко
глаза блестят.
Тревожит запах
её духов,
и в жар бросает
от глупых слов.
Ещё не легче,
когда молчит,
и слышно:
сердце её стучит.

2000

* * *

Дом усеян моими трупами,
в одиночку лежат и группами.
Всюду —дохлыми тараканами,
всюду — тварями нежеланными.

Но опять я в живых размножилась,
обновилась я, обнадёжилась.
Просочилась, судьбой довольная,
в дом другой сквозь ушко игольное.
Стала милою и желанною,
всюду званною, всюду жданною.
Пусть я в том же осталась облике —
я в любви как в душистом облаке.

Путь обратно метлою выметен.
Вы обратно меня не выманите!

2000

* * *

Дни пустые,
точно запятые
вместо энергичного тире.
Все подруги — дамы занятые,
в пиджаках, со стрижками каре.
Их-то день заполнен до предела,
ночь — как реактивный самолёт.
Только я одна сижу без дела
и скучаю ночи напролёт.
Мне дают советы из журналов,
ищут мне работу по душе.
Мне звонят:
«Как?! Ты ещё не встала?
Да ведь вечер близится уже!»
Я устала.
Или я отстала.
Или еду в сторону не ту.
Дети, деньги, телесериалы —
что мою заполнит пустоту?
Библия? Коран? Бхагавад-гита?
Секс? Вино? Вязание крючком?
Интернет?
Входите! Дверь открыта.
Это дверь со сломанным замком.
..Я лечу походкою упротой,
всюду ждут — но всюду не поспеть.
Выкроить бы час на чай с подругой...
Завтра — старость.
Послезавтра — смерть.

2000

* * *

Стихи никому не нужны.
Никто никому не нужен.
Но вновь наступленьем весны
ты смят и обезоружен.
И нечем, кроме стихов,
от этой весны укрыться,
пока не свернулась кровь,
сквозь корку пока сочится.
Нигде, никогда, никто
не станет тебе защитой,
лишь старое решето
поэмы твоей побитой.
Словесная кисея,
моток стихоплетных кружев
и прочий запас старья
бинтами ещё послужат.
Терпи. Оттремит весна,
откатит её лавина,
тебе воздадут сполна.
Или хотя б вполовину.
Терпи, и снесут в музей
стихи до последней строчки —
свидетельства жизни твоей,
промученной в одиночке.
Уже и тебе не нужны,
лягут в витрине пылиться.
И каждому будут видны.
И нечем им будет прикрыться.

2000

* * *

Воздух тихого города,
предвесеннего вечера
после долгого холода,
понедельника вечного.
Легче лёгкого дышится,
невесомо шагается,
только тёмная жижица
из-под ног разлетается.
Воздух тихого города,
он из бывшего времени,
с колокольнями гордыми,
вековыми деревьями.
Он из времени прошлого:
дом с казённой лепниною,
над рассыпанным крошевом
воркотня голубиная.
Он из времени раннего,
из дворов неразбуженных,
где-нибудь на окраине
невзначай обнаруженных.
Он из детства прилежного,
молчаливая тень его,
чистый воздух неспешного
воскресенья весеннего.

2000

* * *

Не было или же было?
Было,
да ты упустила.
Нет бы рискнуть!
Спасовала.
Якобы масть не совпала.
Всё бы совпало, родная!
Может, и так... я не знаю..
Знаешь!
И знала!
И было!
Было, да ты отступила.
Якобы это чужое.
Вот и живи за межою,
честная дура.
Ведь плыло
в руки само!
Не ловила.
Поздно, теперь не поймаешь.
Было..
Где ты не бываешь!
Было, а ты не ценила.
Всё отдала, раздарила.
Было, а ты просмотрела,
не поняла, не сумела,
слов не нашла,
опоздала,

поторопилась,
отстала!
Так..

Но ведь всё-таки было?
Ты б ещё «будет» спросила.
2000

* * *

В окнах опухшие люди лепят пельмени.

В. Богомяков

В окнах опухшие люди лепят пельмени.
Можно купить, но свои-то вкусней, и вообще...
Тряпочкой чистой накроют и вынесут в сени,
пса шутанув, чтоб не жрал, шелудивый кошей.
Или снесут на балкон, поверх тряпки прикроют
драным пальто, чтобы птицы не засекли.
Или впихнут в морозилку —

не надо готовить второе
день или два. Да и гости придут ежели...
Ну-ка давайте и мы возьмём для забавы
яйца, муку, молоко (сойдёт и вода),
мясо (свинину, говядину), лук, приправы
и испытаем радость ручного труда!
В окнах опухшие люди едят пельмени.
Не занавесят даже окон...
Из лени.

2003

* * *

— Не ходи одна в пещеру,
Слышишь, детка? Не ходи!
Там вампиры-вурдалаки
и мертвец с дырой в груди!
— Тётя-тётя, ваши сказки
мне давно уж не страшны:
ждёт меня в пещере милый,
не вернувшийся с войны.

2004

* * *

Ветер с юга щедр на обещанья,
И не хочешь верить, а поверишь,
Что ещё не скоро холода,
И не скоро ты осиротеешь.
Ветет, ветет южное тепло
Летом, счастьем, юностью, свободой!
И не хочешь знать всё то, что знаешь,
Сбитый с курса ветреной погодой,
Унесённый в облака и выше,
Плачешь ли, поёшь — и не боишься
Ничего. Ни смерти. Ни бессмертья.
И паришь, пока не испаришься.

2004

Любовь № 15

Зачем я знаю, где твоё окно?
Когда ни посмотрю —
не светится оно.
Зато в соседних окнах свет горит,
в подробностях открыт
соседский быт.
Вот если б ты
хоть раз
открылся так!
Что ты за человек? Полнейший мрак.
(Ну что ты ешь хотя бы?
«Доширак»?)

2004

* * *

Меня спасли,
я вне себя от счастья
и говорю высоким, не своим,
надрывным голосом,
не ощущая власти
чужих идей,
сквозь слёзы,
сквозь зажим.
Не я, не я.
Хотя чего стыдиться,
постфактум перекраивать слова.
Ведь я жива!
Жива!
Жива?
Жива.
Ещё сто раз
могу переродиться.

2005

* * *

Тополь в больничном сквере
на Даудельной
Распутина должен помнить, по крайней мере,
и всех, навещавших старца в палате отдельной
первой градской больницы..
Мелькают лица,
мамы сюда приходят,
трясти коляски,
тополю и младенцам
читают сказки
о том, как можно одеться по каталогу
и дом обставить мебелью от ИКЕА.
От корпуса терапии гуляют к Богу —
к ротонде Всесвятской церкви —
ведет аллея.
Ствол неохватный
в морщинах неисчислимых,
в переплетеньях сучьев вороны гнёзда,
грозы его щадили,
хранили звёзды,
люди с бензопилой проходили мимо.
Может, и глупо глядеть на него с почтеньем:
пусть не сегодня, но позже
он всё-таки рухнет.
Долог ли будет век стихотворенья
или оно
вместе с листвой пожухнет?

2005

Любовь № 16

Сегодня верю —
сейчас верю,
сейчас! —
медвежьей хватке,
бессмысленной мути глаз,
волне, прибившей к этому,
не к тому,
на ошупь чужому,
но близкому...
солнечным дыркам
в листьях,
цветенью лип,
душному ветру,
несущему недосып...
июню верю,
последним его часам,
частым касаньям,
честным глазам,
всё без обмана,
так сладок липовый цвет,
так узнаваема горечь
от сигарет...
так перелив к неверию
неуловим —
миг — и уже влечёт
к берегам иным,
дальше, дальше,
откуда не различить,
что это было...
да и могло ли быть.

2005

Любовь № 17

Мне бы хватило
в такси,
обнявшись, ехать и ехать,
не думая, что будет дальше,
и даже
не смотреть друг на друга,
а только по сторонам,
хотя что там увидишь нового?
Небо над проводами,
холодное солнце,
город,
просторный, как в детстве,
не заселённый тобой.
Снова и снова
вижу нас
в такси,
мыслями порознь
жизнями порознь
всегда параллельно
но тесно обнявшись
переплетая руки
насколько это возможно —
быть рядом
двоим,
закованным в толстые
зимние панцири.

2006

Любовь № 18/19

*

Любимые книги отдать,
не заботясь, вернёшь ли.
Купить...
ну, не важно что —
и забыть на прилавке.
Потому что не важно!
Ждать.
Терпеть.
Сомневаться.
Сто раз дали в глаз.
И другой подставляешь.
Потому что не важно!
Сменить,
если нужно тебе,
веру,
имя,
страну.
Но тебе не нужно.
Веры нет.
Имя мнимо.
Страна одна.
Ну куда ты,
дура?
Зачем опять.
Почему.

* *

Ожидая — зависая
на краю крутых обвалов.

Шарю, ни черта не шаря,
и не нахожу порталов.
К слепоте почти привыкла,
наугад, впотьмах, на ощупь.
Пожалейте инвалидку,
дайте алгоритм попроще!
Твердь потвёрже,
вяз потолще!
(аллес! — вязовую рошу!)
дайте дайте зацепиться
удержаться не свалиться
что-нибудь! не различая
от отчаянья дичая
В ожиданьи-зависаньи
быть больней,
чем быть разбитой,
быть пропавшей,
чем пропащей,
дармовой,
чем даровитой.
К слепоте почти привыкла,
но когда ещё и глухо...

***
Вот и завтра наступило.
Выжила.
Сама.
Старуха.

* * *

Подруги — умнейшие люди.
В момент доберутся до сути.
Меня оправдают,
осудят
его.

А кроме того,
у них уютные груди,
куда
мне всегда
предложат уткнуться,
заткнуться,
покорно сопя,
пока они будут
подробно,
со вкусом,
долго-предолго
с пространными лирическими отступлениями
рассказывать
и рассказывать,
и рассказывать,
и рассказывать,
и рассказывать
про себя.

* * * *

СЛОВ СЛИШКОМ МНОГО,
ОНИ СЛИПЛИСЬ В ОДНО
ОГРОМНОЕ
МЕСИВО,
КОТОРОГО ТЫ БОИШЬСЯ,
ЖДЁШЬ,
ЗАЖМУРЯСЬ,
НАДЕЯСЬ,
ЧТО НЕ ПРИДАВИТ,
ВДОХНУВ ПОГЛУБЖЕ,
И ВОТ УЖЕ, ВОТ,
СЕЙЧАС...
ТЫ ГОТОВ К ОБОРОНЕ:
СТАЛЬНЫЕ МЫШЦЫ,
ГРУДЬ КОЛЕСОМ,

страх в кулаке,
не ускользнёт сквозь пальцы,
не просочится
в щель частокола зубного,
в бойницы глаз.
Выхода нет.
Ну что же,
зато и вход
замурован.
Когда ты так боишься,
что я могу сказать?
Удержу
липкую массу обид,
подозрений, сомнений,
хотений.
Вот тебе воля,
которой не чаешь,
пустота,
которую сам заполняй.
Баю-бай, мой хороший,
точнее, чужой хороший.
Слишком много
скопилось слов,
не нужны,
потому их так много,
они не нужны никому.

* * * * *

В сон бегу от навязчивой дрели,
заунывной надежды «а если...?».
Если б «если», то все бы воскресли!
Боли ближних они б не стерпели.
Амба, мёртвых не ждут.
Отвяжись.
Оттони её, трезвая мысль!

Сторож сна, отпирай поскорей
сколько там у тебя дверей!
Да хотя бы окошко в сторожку!
Полежу, будто сплю, понарошку.
Может, ей надоест,
али страх её съест,
аль утопит тоска,
ну а я тут пока..
Верно, мёртвых не ждут.
Но живых — не хоронят.
А вдруг?
Не отпустит ошейник —
надежды спасательный круг.
Что ж ты кружишь, настырная вошь,
что ж ты девушкам спать не даёшь.
Время лечит. Сперва покалечит,
а потом будет шлёпать припарки
не сбежать мне от этой знахарки,
слышу поступь её издалече.
Покорюсь её путаной речи.

* * * * *

Все хорошие,
когда спят.
Идеал с головы до пят.
Идеалы под одеялами.
На подстилках в прихожей.
В клетках.
Под кустом,
под листом,
на ветках.
Стали милыми, стали малыми.
Сын не требует
бутерброд,

муж разгневанный
не орёт,
кот
не гадит,
сосед не пьёт.
И никто никого не бьёт.
Может, там, в сновиденье,
война.
Здесь она не видна.
Все хорошие.
Спите, спите.
Солнце спряталось,
вы в зените.
Лишь себя не увижу спящей.
Не узнаю себя настоящей.

2006

Страдательное

Борщ недоварен,
жаркое готово,
вымыт до скрипа
казан из-под плова,
скормлено три «Китекэта»,
при этом
снова востребован
корм из пакета,
каша доедена,
чаем запита.
Пленница кухни,
заложница быта.

2007

* * *

Есть женщины...
Только не в русских селеньях.
Хотя и там...
Скажу по-другому, есть дамы такие...
Немало дам,
завидно цельных.
Они не делят себя
пополам.
И даже знать не желают
правил деленья.

То ли дело я.
Полполовины — тебе, дорогая родня,
трать бережливо, не требуй прибавки,
в долг не проси,
и уж конечно, случайным прохожим
за скобки не выноси.
Полполовины — друзьям и примкнувшим к ним,
тоже, как выясняется, дорогим.
Третью четверть — тем, кто небезразличен,
но поневоле в правах на меня ограничен.
Последняя четверть — моя
территория
частная.
Точнее, моё постоянно делимое частное.
Вибрирую нервной дробью,
боюсь обделить,
неверно расчислить,
лишнего прихватить.

Считаю до посиненья —

и всё в уме.

Как ублажить родню, уложившись в сумме.

Как не обидеть дальних, но недодать.

Вот бы отнять у друзей, перекинуть в мать.

Нет ли возможности чуть сократить расход
на мой несчастный, преданный мне народ.

2007

Ирбит

Была река. Теперь болото.
Мне совершенно неохота
нырнуть в такую грязь с моста.
А здесь красивые места...
И грязь, по-своему, красива.
В воде растёт кривая ива,
по берегам растёт крапива,
косяк баллонов из-под пива
плывёт под мост, но так лениво,
что до заката не доплыть.
И до зимы.
Остаться жить,
зимы дожждаться?
Узнавая
чужую правду,
изнывая
от скуки,
зависти,
стыда?
Ирбит, стоячая вода.

* *

Жарко первый день, ещё не пахнет пылью,
гнилью, плавленной смолой.
Камни старые тепла не накопили,
из подвалов — холод нежилой.
Внутренних дворов студёный вечер
арками сквозит.
Душным донником пропитан ветер,

с пустырей крапивою разит.
Позже срока выросла крапива,
ей с погодой не повезло.
Было, точно в сентябре, дождливо,
а до этого, как в феврале, мело.
Даже сорнякам сегодня счастье светит.
Их не тронут, пусть растут.
Мало денег в городском бюджете,
потому и запустенье тут.
Будет больше — город перепашут,
изведут не только сорняки.
Встанут в ряд, один другого краше,
тонкостенные особняки.
Что жара им? С кондиционерами.
Что им счастье? Рядом казино.
Слобода с великосветскими манерами,
скороспелое вино...
Кошки выбрались на улицу погреться,
псы слиняли во дворы.
Лопухами убаюканное сердце
не будите, не тревожьте до поры.

2007

пъесы

Спящие красавицы и красавцы

Сказочная комедия

Действующие лица:

Виктор

Вера

Павел

Света

Макс

Официант

1. Ложь

Комната напоминает диораму «Взятие крепости». Задняя стена нарисована: по ней карабкаются штурмовики, осаждённые льют кипящую смолу, стреляют из бойниц. (Художник старался. Он сделал всё, что мог.)

Справа и слева — бастионы. Почему-то они выдвинулись вперёд, к зрителю. В нарисованном заднике — массивная дверь. Перед ней ров, скрытый от зрителя земляным валом. Обломки дерева, пучки сухой травы (обломки мебели, засохшие цветы). По центру вала — деревянная приставная лесенка, как раз напротив двери. Пол неровный.

Рядом с левым бастионом — вход в пещеру. Рядом с правым — шатёр.

Из пещеры вышла Света. Она Света, но она брюнетка. Жгучая-прежгучая. Выглядит как путешественница во времени, попавшая из сегодняшнего дня в средневековье.

Свете неуютно здесь. Наспех перекрестилась. «Вера... Вера?». Прошла к шатру, раздвинула занавеси. В этот момент дверь упала, как мост через ров, на цепях. В проёме — Вера. Одета, допустим, так: чёрные ботинки с высоким голенищем на шнуровке, чёрные гетры чуть выше колена, короткая чёрная юбка с тяжёлым металлическим поясом, чёрная майка, чёрная «косуха». Главное: на ней шлем с рогами. Держит через плечо чёрный мешок из плотной ткани.

В е р а. Хай! *(Спускается по лестнице.)* Бельё меняла. *(Шлёпнула мешок на пол.)*

С в е т а. Вы Вера, да? Я новенькая, Света, меня к вам прислали на инкрустацию... инструктацию... Как вы странно выглядите! И всё тут такое странное... А бельё тоже чёрное?

В е р а. На чёрном грязь не видна. Шучу. Бельё меняем каждый день, стираем, гладим.

С в е т а. А в Европе не гладят. Я слышала...

В е р а *(оглядывая Свету, производит калькуляцию её внешних и внутренних данных)*. Ткань нового поколения можно не гладить, европейцы качество ценят, а не пыль в глаза пускать. Это наши думают, что выглядит шикарно, так и есть шикарно. Тебе форму выдали? Сплошная синтетика, за смену так упреешь, что никакие дезодоранты... Позже переоденешься, сейчас покажу, где что и так далее. Шлем парит — ужас. *(Сняла шлем, водрузила на мешок.)*

С в е т а. Я готова.

В е р а. Кто тебя спрашивает? Пока не спросили — молчи, и вообще, языком трепать — не надо, с гостями — особенно. Потому что... *(Указывает подбородком вверх.)* Понятно?

С в е т а. Сейчас можно говорить? Ведь и сейчас... *(Повторяет движение Вериного подбородка.)*

В е р а. Сейчас — нет. То есть, наоборот, сейчас — да, можно. Не спрашивай! Ничего не спрашивай ни у кого, кроме меня. Я всё расскажу, смену отработаешь, если чего не понятно, спросишь утром: специально приеду и расскажу, что ещё не понятно. Понятно? Потом будут вопросы — звони, дам телефон. Но я не навсегда такая добрая, только первые разы, пока будешь привыкать. Так, ещё что: мат у нас под запретом. Не дай бог тебе что-нибудь завернуть...

С в е т а. Да я никогда!

В е р а. Ага, никогда, все мы никогда. Короче, одно слово мата — тут такое поднимется, что вообще ужас. У меня было один раз... Ладно, потом расскажу.

С в е т а. А как это?

В е р а. Датчики сработают. Они тут везде. Уж они-то работают! Люди не работают ни ху... зато датчики...

Вера поднимается по лесенке, Света за ней, заходят по «мосту» в «крепость». Разговаривают тихо, слов не разобрать. Что-то упало, разбилось. Возня, приглушённый топот. Откуда-то сверху донеслось: «Шестая. К первому!». Вера выбежала из «крепости», скрылась в пещере.

Из пещеры появляется Виктор. Или ему сорок, а выглядит на пятьдесят. Или ему пятьдесят, а выглядит на сорок. Сумка через плечо. В левой руке пульт дистанционного управления. Щёлкнул в сторону пещеры — упала заслонка, вход закрыт. Обошёл комнату, заглянул в шатёр. Щёлкнул пультом в сторону двери. Мост закрылся. Щёлкнул опять — мост упал, в проёме — Света.

В и к т о р. Я вас не вызывал.

С в е т а. Мне нужно было... прибрать в спальне.

В и к т о р. Вовремя затеяли уборку. *(Нажал кнопку на пульте, «мост» поднялся, Света еле успела отскочить. Опять нажал, «мост» упал.)*

С в е т а. Простите, я сегодня в первый раз, до этого была Вера, но она куда-то... Я не знала, мы не знали, что вы скоро придёте. Вера ушла, а я...

В и к т о р. Зовут как?

С в е т а. Света.

В и к т о р. Спускайся.

Света спускается. Виктор разглядывает её, она смущена, ступает неловко, он не делает попытки помочь.

В и к т о р. Надо будет — позову, выход там. *(Нажал кнопку, заслонка поднялась.)* Света! Вот это забирай: мешок и рога.

С в е т а. Это Верины рога... э-э-э, шлем, униформа. И там бельё, тоже Верино... то есть ваше, но уже не ваше, его поменили... Чёрное бельё нечистое.

В и к т о р. До свиданья. Стоп! Стоп-стоп-стоп... Ну-ка вернись. Стой, где стоишь.

Пошёл в шатёр, вынес оттуда плед.

В и к т о р. Помогай. Там — подушки, скатерть, неси сюда, устроим пикник. (*Расстилает плед.*)

Света следует указаниям Виктора: вынесла гору подушек, разложила, вернулась за скатертью; расстилает на пледе, стараясь сделать это грациозно, но получается неуклюже. Виктор наблюдает.

Вера вышла из пещеры.

В и к т о р. Вера! Мы вас ждём.

В е р а. Чего меня ждать, я всё сделала, диск зарядила, удобства там, в спальне, пульт у вас.

В и к т о р. Премного благодарен. Но мне ещё кое-что от вас надо... Вопрос... Чёрт, не знаю, как начать...

С в е т а. «Что вы делаете сегодня вечером?». Ой.

В и к т о р. Кстати, да. Точно! Сегодня вечером я встречаюсь с товарищами, здесь. Вера, Света, очень прошу, окажите честь, вы будете наши прекрасные дамы!

В е р а. Нет.

В и к т о р. Один час!

В е р а. Нет.

В и к т о р. Один час, не больше!

В е р а. Нет.

С в е т а. Почему один час?

В и к т о р. Не смею просить о большем. Вера устала после смены, вам нужно работать. И потом, такое дело... Объясню по порядку. Первое. У нас запланировано небольшое, но очень серьёзное мероприятие. Это не пьянка, хотя угощение предусмотрено. Можно сказать, это деловая встреча в неформальной обстановке. Второе. Один из моих товарищей... так скажем, робкий человек. Нужно его адаптировать, чтобы он чувствовал себя свободно и мы достигли желаемого результата. Третье. Прекрасное вино и прекрасные девушки отвлекут моего товарища от мысли, что впереди сложный, ответственный разговор. Всё получится как бы само собой, естественно.

В е р а. Нет. Света, идём.

С в е т а. Я подумала... Он увидит двух незнакомых девушек и ещё больше будет нервничать. Не могу толком объяснить... Но вот прямо сердцем чувствую: плохо получится!

В и к т о р. Понимаю. Однако! На эту встречу были приглашены девушки, товарищи настроились, а это в корне меняет дело, когда человек настроился! К сожалению, девушки, по некоторым причинам, не смогли прийти, сверхзадача сегодняшнего вечера оказалась под угрозой. И вдруг — я встретил вас. Соглашайтесь.

В е р а. Железобетонное нет. Считайте, я уже ушла.

С в е т а. Я как Вера...

В и к т о р (*глядя на Веру*). Махоров уехал, вернётся не раньше одиннадцати, Петрицина и Брускова отметаем, Лесовая сбежала домой, пока нет Махорова. Нас никто не слушает. Никто ни о чём не узнает. Только вы и я. Меня опасаться нечего, моих товарищей — тем более.

Возможно, Вера удивилась. Но сохранила внешнюю невозмутимость.

В и к т о р. Пятьсот. Каждой.

В е р а. Говорите, не надо опасаться? Откуда мне знать. Тысяча. Две тысячи на двоих. Мы рискуем.

В и к т о р. Чем вы рискуете?! Номера свободны, все два ваших номера! И ждать вам некого, ни один дурак сюда...

В е р а. Вот, очень верно сказали: ни один дурак! Если что, нам никто не поможет. Мы рискуем. Две тысячи. Каждой.

В и к т о р. Значит, так. Вера, сейчас идёшь, переодеваешься в своё. Я съезжу до развилки, встречу товарищей, а то они здесь заплутают. Света, останься и встреть официанта: на случай, если мы разминёмся. Он привезёт ужин. Всё, разбегаемся.

В е р а. Эй!

В и к т о р. Две тысячи. Каждой. После.

Света осталась одна. Села на подушку. Легла, закрыла глаза.

Из пещеры вышел принц. Одет в белый камзол с золотым шитьём, белые панталоны и чулки, белые туфли с золотыми пряжками. Приблизился к Свете, осторожно опустился на колено, поцеловал её. Затем... ушёл.

Из пещеры вышел официант. То есть бывший принц, но теперь понятно, что официант. Держит плетёный сундучок для пикника. Лицо совсем не романтическое.

Официант. Ужин. Ужин!!!

Света. Что? А?

Официант. Ресторан «Лоэнгрин». Утешение прекрасных дам, отрада усталых рыцарей. Где сервировать? На полу? Ох ты, господи. И стола уже нет. Хорошо хоть скатерть осталась.

Достаёт из сундучка пластиковые тарелки, ножи и вилки, стаканчики. Сервирует.

Света. Вы давно там? Я сегодня первый раз.

Официант. Открытия. Два месяца назад открылись, как и эта ваша, «Старая крепость». Через месяц закроемся, если не раньше.

Света. Почему?

Официант. Потому что процветаем.

Ставит водку, вино. Накладывает из контейнеров комковатое пюре, котлеты «домашние». На середину «стола» помещает два полиэтиленовых пакета с салатами: крупно порубленная капуста с крабовыми палочками, консервированной кукурузой и майонезом; рыбные консервы, размятые с варёным яйцом. Аккуратно закатывает края пакетов.

Света. Странное меню. Вы не обижайтесь, но такое название, «Лоэнгрин», не очень походит к котлетам.

Официант. К котлетам всё подходит. Были бы котлеты. А скоро и их не будет, я сильно подозреваю.

Света. Наверное, надо было на костюмах сэкономить. Я ничего дурного не хочу сказать, костюм у вас красивый! Но ведь можно попроще.

О ф и ц и а н т. Вас бы к нам, такую светлую голову! Отгрохали ресторан, не ресторан — зámок! Выписали повара, из Албании, что ли... Но никто не спешит в «Лоэнгрин»! Ни конному, ни пешему дороги нет. Обступили замок леса дремучие, кустарники колючие, болота непролазные.

С в е т а. А вы как туда добираетесь?

О ф и ц и а н т. А я знаю, как я добираться? Волшебник Мерлин помогает. Показывает козьи тропы. У меня «Иж». Ну, «пирожок», знаешь? Джипы проехать не могут, трактор колёсный застревает, а я ничего.

С в е т а. Вам на танке надо.

О ф и ц и а н т. Вот танк купить шеф не догадался. Обо всём догадался, кроме этого. Албанец первый сбежал. Шеф взял бабу сельскую, она раньше работала в столовой, когда совхоз был.

С в е т а. Сельские поварихи иногда хорошо готовят, я помню! Знаете, всё бы ничего, но посуда...

О ф и ц и а н т. Фарфор побился, серебро расплавилось, салфетки моль пожрала. Сечёшь? Народ по домам расташил, хоть так поживиться, зарплату ещё ни разу не платили.

С в е т а. Зачем же вы работаете без зарплаты?

О ф и ц и а н т. Думаешь, здесь платят? Я топливо на свои заливаю! Шеф уже всех премии лишил, никто не успел узнать, какая это премия. Штрафы вычитает. Всё равно ждём, что заплатит, хоть что-то. По слухам, через месяц рассчитается окончательно. Продержаться надо.

С в е т а. Бедный, такой красивый, мне кажется, вы могли бы гораздо лучше устроиться.

О ф и ц и а н т. И ты могла бы!

С в е т а. Мне надо перекантоваться. Знаешь, где я работала? В салоне красоты «Блэк Джек», мужском.

О ф и ц и а н т. Больше похоже на казино.

С в е т а. Прикинь, у нас там все стилистки красились в чёрный, потому что так приказала мадам.

О ф и ц и а н т. Мадам?! Казино с борделем!

Света. Ну, примерно так и оказалось.

У входа в пещеру стоит Павел. Он слышал последние реплики.

Павел. Казино с борделем. Надо же, а не похоже. Правда, на гостиницу это тоже не похоже. Вы кто? А, не суть. Уматывайте.

Официант. Приятного аппетита! *(Уходит.)*

Павел. Чего ждём?

Света. Меня просили остаться, мужчина... один тут.

Входит Виктор. Ему тяжело. На одном плече по-прежнему висит сумка, на другом повис Макс. В принципе, Макс умеет ходить без посторонней помощи. Но сейчас не может.

Виктор *(Павлу)*. Помоги, что стоишь? Нет, не сумку, этого бери... Вот сюда, на подушки. *(Свете.)* Это что?!

Света. Ужин привезли, ресторан «Лоэнгрин», у них временные финансовые трудности.

Павел. Временные — это внушает надежду, Вик, ты бы предложил им свои услуги, с твоей помощью они навсегда избавятся от финансов, а значит, и от финансовых трудностей.

Виктор. Заткнись. *(Свете.)* Мешок, почему мешок до сих пор здесь, трудно убрать? Вера где?

Вера тут как тут. Переодетая в «свое». Возможно, это «свое» не так уж разительно отличается от униформы.

Вера. Мешок забыла, сейчас унесу.

Виктор. Потом! Времени мало. Слушайте и запоминайте: это — Максим. Сейчас он спит, но скоро проснётся.

Вера. Да пусть спит! Я бы тоже...

Виктор. Цыц! Никто не уснёт, пока я не скажу. Это — Павел.

Павел. Он тоже хочет спать. Но не с кем.

Виктор. Павел, это Вера и Света, новообращённые члены Эльфиниума.

Вера. Чего мы члены?!

С в е т а. «Блэк Джек» проще...

П а в е л. Я думал, они чернавки.

В и к т о р. Отвечаю. Сегодня здесь пройдёт заседание общества «Эльфиниум». Поскольку вы участвуете, вы на сегодня тоже члены этого общества. Принимайте это как игру. Вам даже понравится. Павел, они не чернавки. Они анчутки, от рождения. На них повлияли тяжёлый быт, нестабильная экономика, отсутствие нравственных ориентиров — одним словом, злые чары. Но у них светлая энергетика!

П а в е л. Запомни уже: энергетика — промышленная отрасль, надо говорить «энергия».

В е р а. Силён, Виктор Егорыч!

С в е т а. Виктор Егорыч?

В и к т о р. Виктор Георгиевич. Но можно без отчества. Что ещё сказал Махоров?

В е р а. Что работали вместе.

П а в е л. Кто есть Махоров?

В е р а. Хозяин.

В и к т о р. Наш человек, член Эльфиниума.

П а в е л. Количество членов растёт на глазах. Скоро мы захватим весь мир.

В е р а. Не может быть, чтоб Махоров тоже. Он мне не говорил.

В и к т о р. Почему он должен... Так. Хотя это ничего не меняет. Это даже к лучшему.

П а в е л. А теперь в простой, доступной форме объясни...

С в е т а. Нет, мне интересно, кто такие анчутки?

М а к с. Мошкара. Пить хочу.

Все смотрят на Макса, у каждого свой вопрос, но — молчат. Виктор схватил водку...

М а к с. Пить, не выпить!

Виктор раскрыл сумку, вытащил баллон с негазированной водой, налил, передал Макс. Достал бутылку коньяка, лимон, перочинный нож.

Макс (*оглядываясь*). Это, значит, та гостиница? Прикольно. Дамы, прошу пардон. Разморило меня в дороге.

Виктор (*ловко нарезает лимон, говорит быстро*). Макс, знакомься: Вера, Света. Остальные знакомы. Прошу к столу! Кавалеры ухаживают за дамами. Светочка, вам что положить? Паша, положи Светлане того салата. Или этого. И того, и этого. Где-то были салфетки... Паша, позаботься о девушках. Макс, мы по коньячку? Это мужской напиток, но дамы, если пожелают... У меня короткий тост.

Вера. За наше неожиданное знакомство!

Виктор. Ха-ха-ха. Прекрасный тост. Все выпили? Один я не успел. А тост у меня такой... Наливайте-наливайте. Мы собрались в необычном месте. Второго такого не найти. Кто-то скажет, что придумать всё это мог только ребёнок. Или взрослый, который в душе остался ребёнком. Ну а мы с вами — взрослые? Мы тоже дети. Мы не разучились радоваться! Верочка, улыбнись, ты такая красивая, когда улыбаешься. Света, солнышко! Макс, у тебя добрые глаза, но ты стараешься держаться строго. Паша, прости, расскажу: девушки, Паша собирает модели самолётов, покупает конструкторы и вечерами клеит-клеит, раскрашивает всё это маленькой кисточкой. В общем, друзья, что бы мы там ни говорили, мы по-прежнему дети!

Света. А дети не пьют.

Виктор. Ха-ха-ха. Света, следующий тост — за тебя! Давай коньяка! И я вместе с тобой, мы вдвоём, пока остальные дети играют.

Вера. Павел... Ты правда собираешь модели? Здорово! Я тоже этим увлекалась, мы с братом...

Виктор. Верочка, позвольте и вам коньяка. Макс, будь добр, налей Свете воды, не хочу спаивать ребёнка.

Макс. А я хочу! Не бойсь, Светик, эта водка некрепкая. Я нигде тебя раньше не встречал? Лицо знакомое. Или не лицо? Но что-то такое знакомое.

Света. Наверное, снилась. Мне часто говорят, что кого-то напоминаю, а потом оказывается, что снилась.

М а к с. Значит, ты снилась многим. А-я-яй, Света.

В и к т о р. Не смущай девушку. Понятно, что нравится, она мне самому нравится, но Света — это не просто красивая девушка, с которой приятно провести вечер. Света — одна из нас.

С в е т а. Я не хочу быть мошкаррой!

П а в е л. Света, ты прелесть! Ты крылатая крошка!

В и к т о р. Послушайте.

Щёлкнул пультом, включилась музыка. Она течёт молоком в кисельных берегах, веет клевером, укутывает туманом. В музыку вливается голос:

Работай, как будто тебе не надо денег.

Люби, как будто тебе никто никогда не причинял боль.

Танцуй, как будто никто не смотрит.

Пой, как будто никто не слышит.

Живи, как будто на земле рай...

С в е т а (*потрясённо*). Почему я не знала этого раньше?

П а в е л. Хорошая мантра.

В е р а (*Павлу*). Это слушают на дельфиниумах? Или когда самолёты клеют?

П а в е л. Когда самолёты клею, я и так счастлив. А эту мантру надо читать, когда хреново.

В е р а. Расскажи, почему тебе хреново. Я пойму.

Берёт Павла за руку, ведёт к шатру. Шатёр освещается изнутри, Вера и Павел разговаривают жестами.

М а к с (*берёт Свету за руку*). Давай потанцуем. Будто нас никто не видит.

Звучит музыка. Макс и Света покачиваются, обнявшись, на них сыплется «снег».

Виктор вышел в пещеру.

Музыка стихает. Голос: «Все уснут, когда я скажу: спать...»

В шатре гаснет свет, Макс и Света сползают на подушки. Все уснули.

Виктор вернулся. Опустил заслонку пещеры. Одет в длинный зелёный плащ-накидку.

Виктор. Долго будешь валяться?

Павел (*выходит из шатра*). Голос твой волшебный подействовал. «Спа-а-а-а!».

Виктор. Не ори. (*Обшаривает карманы Макса.*)

Павел. Боишься, проснутся? Не веришь в силу своего магнетизма. Зря. Надо в следующий раз пробовать без лекарства, одним гипнозом.

Виктор перебирает паспорт, бумажник, ключи, мобильник. Выключает мобильник.

Павел. Голова тяжёлая, точно коньяка твоего нахлебался. В воду тоже добавил? Так и думал, перестраховщик! Осторожным стал, нет бы раньше осторожничать...

Виктор. Хватит уже.

Павел. Пить охота, нет другой воды?

Виктор. Иди из крана попей, там.

Павел (*идёт в спальню*). У твоего Махоркина...

Виктор. Махоров он.

Павел. Да хоть Табаков. У него с крышей в порядке? На фига он это отгрохал, ясно же было, что прогорит. Ты смотри-ка, ров! (*Зачерпывает воду.*) Может, отсюда попить?

Виктор. Рискни.

Павел. Слушай, ну точно воды нет? Наверняка взял ещё бутыл.

Виктор (*достает из сумки вторую бутылку*). Много не пей.

Павел. Обязательно надо как-нибудь эдак, по-простому не можешь! Усыпил зачем-то... И девок ещё! Девки откуда?

Виктор. Горничные. Поиграем и выбросим, бояться их нечего. Сам же говорил: коллективный сеанс больше способствует внушению... нужных мыслей. (*Складывает обратно осмотренные вещи.*)

П а в е л. Проверил? Всё сходится?

В и к т о р. Похоже. Думаю, должно получиться. Других вариантов пока нет. Нет? Надо искать, продолжать это дело! Мы станем мощной силой, консолидируем капитал и направим его на благие цели, мы дадим людям то, чего они так жаждут...

П а в е л. Та-та-та! Не растрачивай попусту, я на всё подписался; и даже, представь, поверил, на полпальца, но поверил. Есть в твоей поганой доктрине живое зерно. Сам удивляюсь, как действует, вижу человека и автоматически тестирую... Слушай, а как ты девок уговорил?

В и к т о р. Деньги — великая сила. *(Достаёт из сумки распечатку.)*

П а в е л. Сколько ты им обещал?

В и к т о р. Две штуки. Каждой.

П а в е л. Не жирно?

В и к т о р. Жирно, но торговаться некогда было. Кстати, ты им заплатишь... Тихо-тихо! Я всё верну, и может, уже сегодня, если дело пойдёт гладко. А сейчас иди... поспи, что ли. Мне надо текст повторить.

Павел хотел возразить, но передумал, ушёл в спальню. Виктор сел на приступочку лестницы, распечатку пристроил на коленях. Начинает читать, то сверяясь с текстом, то наизусть, то вполголоса, самому себе, то громче, обращаясь к зрителям.

В и к т о р. Мы никому не нужны, навсегда одиноки. Там, за порогом, нас ничего не ждёт. Дурак верит, что где-то ему будет лучше, чем здесь. Вот он переедет в Америку и там наконец-то заживёт как человек, станет богатым, популярным, пришлёт бывшим сослуживцам фото: дурак на фоне своего шикарного особняка, дурак за рулём своего шикарного автомобиля. Нет, не пришлёт — зачем? — ведь его фото печатают во всех журналах.

Дурак сбежит в деревню: тихо, свежий воздух, здоровая пища, здоровый сон.

Дурак обменяет свою квартиру в северном городе на хибару в Крыму: круглый год на берегу моря, розы в декабре. Или наоборот, сбежит с курорта на севера, будет зарабатывать в десять раз больше.

Дураки мечтают. Необитаемый остров, Таити, Австралия, домик с верандой в спокойной Чехии, маленький русский город, где вечные сумерки и колокола, монастырь, благолепие...

У нас тоже были мечты. Похожие или совсем другие — не важно. В какой-то момент мы поняли, что везде всё одинаково. Нет другого мира, другой страны, города, деревни. Перемещение в пространстве не изменит ничего внутри нас. Перемещение во времени? Хотеть в Версаль времён Людовика Четырнадцатого — это всё равно что хотеть в Америку! Помните сказку Андерсена «Калоши счастья»? Каждого, кто попадёт в свою мечту, постигнет жестокое разочарование.

И всё-таки есть мечты, которые продолжают жить в самом дальнем уголке сердца, самом пыльном чулане памяти. Мы рано поняли, что они не осуществляются ни при каких условиях, но расстаться с ними окончательно, выбросить — невозможно.

Летать. Просто летать, оторваться от пола, выпорхнуть в окно и парить над городом, свободно и легко.

Надеть шапку-невидимку, проникать всюду, узнавать чужие тайны, мстить обидчикам, подслушивать и подглядывать.

Зайти в дупло дуба и выйти в колдовской лес.

Бросить гребень — и вырастет чаща, бросить платок — разольётся море.

Взмах волшебной палочки, поворот волшебного кольца, заклинание...

Сказка — это тоже другой мир, которого не существует. Но почему иногда кажется, что ещё чуть-чуть — и взлетишь, ещё миг — и откроешь секрет невидимки, тайный ход в страну чудес. Почему это ощущение параллельной реальности становится вдруг таким сильным? Потому что мы продолжаем жить сказкой. Во сне.

Кто не видит снов, тот живёт наполовину. Он закрыл глаза и умер до утра. Он земля, чернь, рождён из грязи и снова уйдёт в грязь, его затопчут такие же чернецы, существа-однодневки.

Но мы, мы — другие!

Виктор вскочил, листки рассыпались. Собирает их. Накнулся на мешок. Пнул со всей силы, шлем упал, покатылся, выпало бельё. Белое!

Виктор наскоро запихал листки в сумку. Развернул простыню, потом пододеяльник, потом наволочки. Наволочки разорвал по боковым швам. Надел шлем. Включил музыку.

В и к т о р. Мы другие. Наступает ночь, мы — настоящие! Длится, длится дивный сон, мы свободны как ветер, легки точно пух, мы эльфы лесные, эльфы луговые, летим к ручью, чтобы смыть дневную пыль, стать чистыми, чистыми, чистыми!

Виктор дирижирует, и, подчиняясь ему, Макс, Вера и Света встают и бредут ко рву. Раздеваются, залезают в воду, плещутся. Движения заторможенные. Виктор подаёт Максу простыню, Вере и Свете разорванные наволочки. Те вылезают из воды, закутываются в ткань, бредут обратно, рассаживаются вокруг «стола». Раскачиваются.

В и к т о р. Принц эльфов лесных, покажись!

Из спальни вышел Павел, Виктор показал ему: залезай в ров, пора куп-куп. Павлу не хочется, но уговор дороже денег. Мокрый Павел получил пододеяльник.

В и к т о р. Ровно в полночь лесной холм загудел, снизу доверху прошла большая трещина, и холм раздвинулся...

Стены крепости обрастают плющом и цветами, вместо шлема на Викторе золотая корона. Макс, Павел, Вера и Света закутаны в зелёное, танцуют под музыку Э. Грига, «В пещере троллей».

Диск заело. Виктор продолжает напевать мелодию, жестикуюлируя Павлу: дескать, помогай. Вдвоём: тара-тара-тара-рам, тара-рам, тара-рам, тара-тара-тара-тара-тара-тара-рам...

Вера, Света и Макс подхватывают, поют всё громче и громче, прыгают, кружатся, и вновь возникает музыка, бушующее море звуков, неистовая генеральная уборка в пещере троллей, перерастающая в полный разгром.

Все, кроме Виктора, валятся на пол.

В и к т о р (*скороговоркой*). Приветствую вас на ежегодном балу Лесного царя, достопочтимые эльфы лесные, эльфы луговые, милейшие анчутки, наяды, дриады, тролли и прочая сказочная братия. Мы собрались после тяжких трудов, чтобы отдохнуть, сбросить груз повседневности, предаться веселью и вспомнить наконец, кто мы такие: свободные существа, дети простора, беспечной радости, не ведающие страха. Мы смыли пыль с наших прозрачных крыльев, наши тела и мысли чисты, мы можем лететь куда угодно, и нет предела нашей фантазии! Так летите! Танцуйте и пойте! Вы чистые, чистые!

Все опять танцуют. Павел увлекает Свету в спальню. Вера тянет Макса в шатёр. Тут же обе пары возвращаются, расстрёпанные, меняются партнёрами и опять расходятся по углам, так повторяется несколько раз, в быстром темпе. Виктор сидит, как режиссёр на репетиции, наблюдает, курит.

Наконец все собираются вместе, утомлённые. Виктор угощает их напитками. И вновь: танцуйте! — уже без слов, отмашкой. Танцуют. На этот раз Виктор выбирает Свету, уводит в спальню, Павел, Макс и Вера — в шатёр.

В заслонку пещеры кто-то колотит. Голос официанта: «Посуду уже можно забрать? Эй?»

Ему никто не отвечает.

Прошла вечность.

Виктор сидит, курит, рядом лежит Павел.

П а в е л. Ну, спасибо тебе, устроил праздник. Оттянулись по полной.

В и к т о р. Это только начало.

П а в е л. Надо же, я думал, программа исчерпана. Ой, не смотри так грозно! Дай насладиться прелестью момента. Это ж надо, кривле-крабле-бумс, и всё готово, бал-маскарад в летнем лагере, девчонки и мальчишки вперемешку. ...А ты этому платил, хозяину здешнему? Или он согласился безвозмездно, как истинный партиец? Чего он, кстати, не с нами? Побарахтались бы вместе.

В и к т о р. За него не беспокойся, он имеет всё, что имеет, всех имеет, когда захочет.

П а в е л. Значит, не платил. И правда, откуда бы ты взял деньги, колдовать пока не научился. Или научился?

В и к т о р. Уймись. Ты придумал лучше способ? Нет? Так молчи, не зуди, не подначивай, просто сиди и молчи! Как же я устал... Ну почему у меня нет миллиона? С миллионом можно раскрутить любое дело!

П а в е л. Миллиона у меня не было, но моя мастерская меня вполне устраивала.

В и к т о р. Мастерская. Ты да помощник-задохлик, полтора инвалида, малевали запорожцы.

П а в е л. Но-но! У меня было своё дело. Своё! Пусть маленькое, но своё. И оно меня кормило. Мне нравилось красить машины, подбирать краски, смешивать. Я чувствовал себя художником! Я был художником! Пока ты, волшебник хренов...

В и к т о р. Стоп! Здесь нельзя материться.

П а в е л. А я не матерюсь. Хренов — цензурное слово. Слышишь, ты, волшебник — хренов! — пока ты не уговорил меня всё продать и... для чего, я не пойму, для чего? Какого... лешего я согласился, во что поверил, до сих пор не пойму.

В и к т о р. Значит, не так всё было распрекрасно, как ты думал. В глубине души ты знал, что никакой ты не художник, и дело твоё не дело, а переливание из пустого в порожнее... в запорожнее. Покрасил, заплатили, краску купил, задохлику заплатил, себе пожрать и бумажкой подтереться, вот и весь

навар, и опять по нулям, и опять малюете, а морды уже зелёные от этой краски, она уже внутри, уже лёгкие съёжились, ещё два года таких лакокрасочных трудов — и амбей!

П а в е л. Высказался? Теперь на себя посмотри. Кто ты, кто ты есть, что ты умеешь? Чужие деньги в казино проигрывать? Соплячек щупать? Говорить с ними за Шекспира, а потом репетировать «Последний звонок»?

В и к т о р. Ты повернул глаза зрачками в душу, а там всюду пятна черноты.

П а в е л. Пятна! Да там сплошь черно! Как в жо... В желедке у негра.

В и к т о р. «Негра» лучше тоже не говорить.

П а в е л. Мат?!

В и к т о р. Неполиткорректно.

П а в е л. Нет, ты вообще... Даже восхищаюсь. Непробиваемый. Сидишь, как так и надо, тебя не задевает.

В и к т о р. Зачем реагировать на твои глупые наскоки. Ты не всерьёз наскакиваешь. С виду горячий, а внутри — комок мёрзлой грязи.

П а в е л. Изысканно выражаешься. И не мат, а всё равно обидно. Только я не обижаюсь. Я обиды свои глубоко спрятал, не найдёшь, не докопаешься. Я помню, зачем сюда пришёл.

В и к т о р. Вот и прекрасно.

Играет «Утро» Грига из той же сюиты «Пер Гюнт». Под музыку к Виктору и Павлу подползают Вера и Света. Обнимают мужчин, ластятся к ним. Виктор и Павел досадливо отлепляют от себя женщин.

В е р а. Что такое? Не в настроении?

С в е т а. Солнышко, посмотри на меня, я твоя зайка, зайка, зайчонок твой, рыба, рыбка, рыбонька, киса, киска, кисонька, птичка, ласточка, малыш, малышка, лапусик, лапушка, лапонька, девочка, девуленька, ребёнок твой, папочка, посмотри, какая я вся сладенькая, миленькая, конфетка твоя, карамелька, а ты тоже мой сладенький, мой сахарный, мой медовый, мой пупсик-пупсёночек!

В и к т о р. Тише, Света. Вера! Брысь, обе!

С в е т а. Ой, как грубо. Мне не нравится, когда грубо, со мной надо ласково.

В е р а. А мне нравится, когда грубо! Уйди, сладкая дура, здесь взрослые игры. Давай, мачо, давай, ударь меня, я отвечаю!

С в е т а. Подумаешь. Ковбойша. Насмотрелась, теперь крутую изображаешь. Я тоже могу, только мне не нравится.

В е р а. Не нравится — отвали! Папаша, давай!

С в е т а. Не веришь, что могу? У меня был опыт ого-го, тебе и не снилось. В «Блэк Джеке»...

П а в е л. Ага, вспомнил тебя. У тебя парик был, как у японки.

С в е т а. Ни фига не парик, свои натуральные. Причёсана так, девчонки друг друга причёсывали, у нас, между прочим, салон был, красоты!

П а в е л. Ой, простите, мамзель, я дверью ошибся. Шёл в бордель, а попал в салон красоты. *(Смеётся.)* Всё у нас не то и не так, как написано на вывеске. Вот мы, знаете, кто? Люди творчества! Творцы! Он — режиссёр, а я художник. Сейчас буду писать с вас портрет: «Нимфы пристают к сатиру». Это будет шедевр, обещаю! Где мои краски, ах, увы, я их продал, но ничего, я возьму горчицу и кетчуп, это будут мои краски! А холст — скатерть будет холстом. Сейчас режиссёр выстроит мизансцену, и я запечатаю это для вечности.

В е р а. Не-не, подожди, дай я переварю. Света, Света, так ты, значит, да? Как тебе не стыдно, девочка! Ласточка-касаточка. Ой, помру от смеха. *(Валится на Виктора.)*

В и к т о р. Не могу работать в такой обстановке. *(Павлу.)* Настроение хорошее? Ладно, продолжай, веселись. Я ухожу.

Открывает заслонку, уходит. Павел попытался изобразить безразличие, но, не выдержав, бросился вслед за Виктором. Вера и Света одни.

С в е т а. Думаешь, правда ушли?

В е р а. Вернутся. А денег-то они не заплатили. Нет у них денег.

С в е т а. Слышала. Они ради Макса всё это затеяли? Он богатый?

В е р а. Ну, наверное. А то зачем бы. Что-то он долго отлёживается. Как бы не окоchureлся после такой дозы. Посмотри там...

С в е т а. Леня. Сама смотри, если такая беспокойная. Что они нам подсыпали, а? Я много чего перепробовала, но такого эффекта не припомню.

В е р а. У тебя огромный опыт. А я так и поняла сразу, как увидела, что пробу негде ставить. Эй-эй, без обид! Я сама-то, знаешь... Нет, не то чтоб я такая... Хотя такая. Такая же. Помнишь, меня вызвали, когда ты пришла? «Шестая к первому». Это условный сигнал. Это значит, шефу приспичило, и надо нестись на всех парах, пока не передумал и не позвал Лесовую. Лесовая — это такая... В общем, тоже такая. У нас с ней — ой, смешно даже стало — конкуренция: кто лучше шефа обслужит.

С в е т а. Вы за деньги или так?

В е р а. За деньги, конечно. Правда, денег нам ещё не платили. Задерживают зарплату... ну, это как везде.

С в е т а (вздыхает). Как везде...

В е р а. Что, у вас там тоже? Ни в жисть не поверю.

С в е т а. А ты думаешь, почему я ушла? Сбежала, прямо скажем. Ещё и должна осталась. Насчитывали штрафы, за всё, буквально за всё!

В е р а. Похожая история. И у нас штрафы: бельё пропало — мы виноваты, стакан разбили — мы плати. Ты, кстати, графин разбила в спальне, тоже вычтут. Мебель тут была... Кто её поломал, ума не приложу, мне-то уж точно этого не надо.

С в е т а. Может, привидения? Место тут подходящее для привидений.

В е р а. Ну-ну. Только привидения тут и приживаются. Но я тебе скажу: это всё ненадолго. Лесовая уже не в фаворе, моя победа близка. Шеф понял, что я лучше, он разглядел.

Он советуется со мной по каждой мелочи! Эту форму нам сшили дурацкую, я так и сказала: дурацкая форма. Не испугалась. Он не рассердился ничуть, говорит: «Да, Вера, со вкусом у меня не очень, признаю, но в следующий раз я обязательно посоветуюсь с Вами, новая форма будет такая, какую Вы захотите, можете даже эскиз нарисовать, чего бы Вам хотелось, я отдам шить по Вашему эскизу». А сегодня! Сегодня шеф намекнул, чтоб я сделала ксерокопию паспорта, он отнесёт её в загс и зарегистрирует наш брак.

С в е т а. Ксерокопию зачем?

В е р а. Не мешай! Я скоро буду хозяйка здесь, всё переделаю, уберу эту... крепость, назову гостиницу вообще по-другому, назову «Спящая красавица»! Классно, да? Прекрасный дворец...

С в е т а. ...Посреди непролазных болот и дремучих лесов.

В е р а. Ничего, настоящие принцы не боятся трудностей! Они будут счастливы добраться сюда, чтобы здесь...

С в е т а. ...Найти тебя.

В е р а. Это моя любимая сказка, я читать по ней училась, дура ты! (*Заворачивая левую руку за спину.*) Чёрт, чёрт! Что они подмешали, гады? Умру сейчас, чувствую, что умру.

Ложится и умирает.

Голос сверху: «Шестая — к первому!».

Вера вздрогнула, но осталась лежать.

...Кое-как поднялась и побрела к выходу.

Ушла.

С в е т а. «Спящая красавица» — это не возбуждает. Нет. Я бы по-другому придумала.

Входит официант. Собирает пластиковые тарелки и стаканы, пакеты с недоеденными салатами аккуратно завязывает, тоже складывает в сундучок. Бутылки. Скатерть.

С в е т а. Эй! Скатерть не твоя. А пластик зачем забираешь? Это ж одноразовый! Моете? Ну вы даёте! Совсем до-

катились. Слушай, а у вас совсем-совсем не платят, ничегошеньки, ни вот столечко? Я кухарить могу, уж лучше вашей сельской поварихи, это точно. И котлеты, и салаты получше этих... Эй! Красавчик! Ты хоть посмотри на меня! Страшная, да? Я умоюсь, покрашусь, увидишь, какая я на самом деле, подожди, не уходи, возьми меня с собой! С тобой уеду, договорились? На твоём пирожке. У тебя ведь одно пассажирское, верно? Подожди, я с тобой!

Убежала за официантом.

Из шатра выполз Макс. Ищёт бутылку там, где был стол, шарит по полу... Увидел сумку Виктора, поискал там, нашёл. Только приготовился выпить, как вернулись Виктор и Павел.

М а к с (*быстро*). Ваше здоровье! (*Пьёт.*)

В и к т о р. Дамы покинули нас? Оно и к лучшему. Макс? Вставай, есть разговор.

Виктор и Павел ставят Макса, прижимают по бокам, чтоб не шатался.

В и к т о р. Мы никому не нужны, навсегда одиноки. Там, за порогом, нас ничего не ждёт.

П а в е л. Дурак верит, что где-то ему будет лучше, чем здесь.

В и к т о р. Дураки мечтают. Необитаемый остров, Таити, Австралия...

П а в е л. У нас тоже были мечты. Но мы поняли, что всё одинаково. Нет другого мира, другой страны, города, деревни...

М а к с. Нет?! Да вы гоните!

В и к т о р. Слушай! Можно переехать в другую деревню, но это НИ-ЧЕ-ГО не изменит. Можно мечтать о богатстве, о фотомоделах, о том, как проедешь по своей деревне на красном кабриолете, но это не изменит твою жизнь!

П а в е л. Потому что внутри ты не изменился.

В и к т о р. Вспомни, ты хотел летать? Тебе снилось, что ты летаешь? Когда мама читала сказку про шапку-невидим-

ку, ты жалел, что у тебя не такой шапки, ты бы мог проникать всюду, узнавать чужие тайны, мстить обидчикам, подслушивать и подглядывать.

П а в е л. «Сказка — это тоже другой мир, которого не существует. Но почему иногда кажется, что ещё чуть-чуть — и взлетишь, ещё миг — и откроешь секрет невидимки, тайный ход в страну чудес». Почему?! Почему?!

В и к т о р. Потому что мы другие. Ты, я, он. Нас не так много, но мы — настоящие хозяева Земли, потомки древних племён, о которых рассказывают легенды. Посмотри вокруг: сколько уродцев, порождения грязи, у них кривые носы, низкие лбы, маленькие злобные глазки, рыхлые бока, поганое ненасытное брюхо. Они вылезли из подземелья и захватили наш мир, они вытравили наших предков, а нам сумели внушить свои низкие мысли, заразили своими бактериями, они уродуют нас, уродуют наших детей, они, комки грязи!

П а в е л. Но мы — другие! Мы должны быть вместе. Ты, я, он. Мы помним, кто мы такие, в нас течёт зелёная кровь!

М а к с. Голубая?

В и к т о р. Зелёная как сок травы! Посмотри на себя, разве ты не видишь, что отличаешься от всех, ты особенный, у тебя особенное лицо...

П а в е л. О, такое чистое лицо, будто ты отродясь пил только молоко, а глаза такие светлые, точно ты всегда смотришь только на небо.

М а к с. Вы издеваетесь, что ли?!

П а в е л. Ни в коем случае. Тебе говорили, что ты похож на эльфа? Мы говорим: похож. Вылитый эльф.

М а к с. Ребята, вы бредите. Нет, вы интересно рассказываете, и я даже готов допустить, что в ваших словах есть резон. Но в целом, извините, детские бредни. Эльфы... В это пусть играют толканутые, я уже вырос из этих игр. А насчёт того, что все дураки напрасно мечтают, я вам так скажу: у меня нет иллюзий, я не строю каких-то грандиозных планов, я обеспеченный человек, не боюсь нищей старости, и

вообще, не боюсь старости, потому что это нормальный отрезок жизни, и сама жизнь — отрезок, а если меня посетят сомнения, я поговорю об этом со своим духовным отцом, он найдёт слова, чтоб вразумить и утешить. У меня отличный дом, и я строю ещё один, кроме того, собираюсь восстановить особняк своих предков, чтоб таким образом сохранить память о них и отдать им запоздалую дань уважения. У меня отличная жена, превосходная женщина, я очень её люблю, и никого другого мне не нужно. Я вполне доволен жизнью. У меня всё есть. Я успешный, здоровый молодой мужчина.

П а в е л. Ты это слышал? Или у меня галлюцинация?

В и к т о р. Его кто-то обработал до нас.

М а к с. Парни, вижу, у вас проблемы. Не хочу сказать, что вы неудачники, но у вас проблемы. Ничего страшного, проблемы можно решить. Я знаю отличный тренинг, я сам его прошёл, и мне это очень помогло, это настроило меня позитивно! Это был настоящий переворот в сознании! Переворот всего... абсолютно... *(Сползает на пол, бормочет.)* Теперь я счастлив... счастлив... я счастлив... *(Лежит без движения.)*

Входит Вера.

В е р а. Я счастлива, я абсолютно счастлива! *(Хохочет.)* Мужики, до чего же вы смешные! Мне так смешно, стоять не могу. *(Опускается на четвереньки, ползёт.)* Да не стойте вы как истуканы! Неужели не поняли? Не даст он вам денег.

П а в е л. Откуда тебе-то знать?

В е р а. А вот знаю. Нет у него денег. Ни сантима! Голяк.

В и к т о р. У вас, девушка, неверная информация. Максим Максимович Максимов — директор фирмы «Максимум», процветающей фирмы, замечу между прочим. Также у него имеется ресторан, также торговые точки...

В е р а. Можешь не перечислять. Всё это принадлежит его жёнушке. Она всем владеет. А ему позволяет красоваться, ходить в директорах и меценатах, строить из себя благопо-

лучного господина. Знает, что покрасуется и к ней вернётся, куда он денется. Держит его в кулаке. Вам не его надо было сюда заманивать и опаивать, а жёнушку евонную, может, вы бы ей понравились.

П а в е л. Это кто тебе всё это рассказал?

В и к т о р. Я знаю. Махоров. Вот подлец! Мог ведь предупредить!

В е р а. А зачем? Ему нравится сталкивать людей лбами, он так забавляется. Сидит там наверху и забавляется. Мне тоже малость позволил. Отличная радиотрансляция! Вот мы веселились с ним, когда вы этого жиголо обрабатывали. Умора!

В и к т о р. Подлюга!

В е р а. Пойди побей его! Я бы тоже пошла, поглядела, только не могу, ноги не держат. Здесь посижу.

П а в е л. А я тоже здесь побуду. Зачем ходить? Пусть он сам сюда идёт. Сейчас я ему устрою! *(Начинает крушить всё вокруг.)* Старая крепость, говоришь? Будут тебе руины старой крепости!

В е р а. Ура! На штурм! Наши победят! Давай! Вот оно, возмездие! *(Сложив ладони рупором, кричит в потолок.)* Первый-первый — шестая на связи — приём! Иди сюда скорей, пока я не сказала заветное слово. Торопись, а то поздно будет.

В и к т о р. Какое заветное слово?

В е р а. А такое, каких шеф не любит. Он их не выносит, слышать не может. Махоров-старший был знаток, умел та-а-ак кудряво завернуть, что у Махорова-младшего теперь невыносимость полная. Главное, бухать, как папаша, может, а говорить по-русски — ни за что! У него из-за этого и в бизнесе ничего не получается. И в постели ничего не получается. Потому что надо по-русски говорить! Слышь, Махоров? Ты меня слышишь, падаль? Я про тебя всё поняла, меня озаарило! Можешь хоть миллион штрафов наложить, в штаны себе наложить! Ты меня два месяца сказками кормил, хватит! И не люблю я тебя, понял! И замуж за тебя не пойду! И

работать на тебя не буду! Никто не будет! Сколько я мечтала, чтоб эта гостиница сгорела, взорвалась, и чтоб ты тоже взорвался, только чтоб прежде мучился, как мы тут мучаемся, клещ проклятый. Если б ты знал, сколько злобы накопила, каких смертей тебе желала, если б ты знал... Тебе повезло, что я такая покладистая и терпеливая, меня так воспитали, у меня нормальная была семья. А вы чего стоите? Вас тоже ненавижу! Сказочники! Валите отсюда.

В и к т о р. Типичная бабская истерика. Уйми её, мне руки пачкать не хочется.

П а в е л. А ты попробуй без рук.

Виктор и Павел схватили Веру, потащили ко рву, окунули. Держат голову под водой.

В и к т о р. Хватит, а то русалкой станет.

П а в е л. Хватит так хватит. Ну что, ещё разок напоследок?

В и к т о р. Пожалуй. Только давай с удобствами, там кровать широкая.

Тащат Веру в спальню.

Голос сверху: «Витёк, брось, это не твоё. Давай-ка подымайся, поговорим. А эту можно по пути выбросить. Потом, если надо, подберёте. Мои охранники ею займутся».

Виктор и Павел переглянулись: почему бы нет? Сказано — сделано. В комнате остался один Макс. Жив ли? Жив. Заворочался, отыскал мобильник, включил, набрал номер.

М а к с. Ты меня потеряла? Я сам себя потерял. Да не в том смысле... Плохо мне. Так плохо, моя радость... Не ругайся, пожалуйста. Не надо... Ты же у меня славная. Я тут в такую передрыгу попал, сам не выберусь. Знаешь «Старую крепость»? Спроси своего дебила, он всё знает. Я здесь, приезжай за мной, очень тебя прошу! Я... Да послушай... Ну послушай хоть немножко... Я больше так не буду, обещаю! Алё-алё-алё!

И тут рассерженный Макс сказал нечто непопознанное. Стены крепости задрожали, подьёмный мост заходил ходуном, вверх-вниз, вверх-вниз... Будто дракон разевает пасть. И говорит дракон: «Кто посмел разбудить меня?!». Из пасти вырвалось пламя, из ноздрей-бойниц повалил дым. Завыла пожарная сигнализация. Упала заслонка, отрезав путь к спасению. Макс мечется в дыму, орёт.

2. Намек

Комната напоминает былую крепость, но выглядит опятнее, светлее. Вместо двери-моста — увитая розами арка. Из арки вышла Вера в белом платье.

В е р а. Здравствуйте. Очень вам рада. Мне приятно, что вы посетили мой маленький дворец, здесь вам будет уютно. Смотрите, как мило всё устроено! Вон зеркало, в нём вы будете выглядеть так, как сами того захотите. На этом столе самая простая еда покажется вам роскошной. Кровать убавляет на мягкой перине, и вы уплавёте на облаке в страну сладких снов. Но не всегда так было... Когда-то этот дворец был заколдованный. Я не вру! Всё выглядело совсем не так, как сейчас. Очень было страшно, жутко, особенно по ночам. Ох, как было страшно... Но вы об этом не думайте! Сейчас бояться нечего. А когда-то... Ну, зачем об этом вспоминать. Последний дракон давно сдох.

Входят Света и официант, под ручку, оба в белом.

В е р а. Моя сестра. Названная. А это её муж. Они познакомились здесь. Это такая романтическая история! Но пусть они сами расскажут.

С в е т а. Я была предназначена в жертвы дракону. Каждый месяц он требовал самых прекрасных девственниц себе на ужин. Не знаю, почему девственниц... Уж такие у него были причуды. Может, он был слишком старый и никого другого не переваривал. Мои сёстры ушли к дракону одна

за одной, и никто не вернулся. Сто тысяч прекрасных белых дев с длинными чёрными волосами. Все покорились своей горькой судьбе. И вот настала моя очередь. Я даже не думала сопротивляться, не плакала, не просила о помощи. Я могла лишь молиться и надеяться на лёгкую быструю смерть. Сама смерть уже не страшила меня, но было страшно представить, что случится прежде, чем я погибну.

О ф и ц и а н т. И тут пришёл я, отважный Лоэнгрин, отрада прекрасных рыцарей...

С в е т а. Отрада прекрасных дам!

О ф и ц и а н т. А я что сказал? Значит, пришёл и вижу: дева плачет. О чём, дева, плачешь?

С в е т а. А как мне не плакать, слёз горьких не лить? Ну и рассказала ему печальную историю. Сначала о первой сестре, потом о второй, и так про всю сотню тысяч девственниц.

О ф и ц и а н т. Рассказ был до-о-олгий... Но я слушал внимательно, потому что девушка мне сразу понравилась, и я решил: пусть говорит, а когда выскажется, тогда и посмотрим...

С в е т а. ...Я закончила рассказ, и он спросил: что тебя держит? Я подумала: меня ничего не держит. Он сказал: пойдём со мной. И я пошла.

В е р а. А дракон-то остался! Он хотел жертву, вынь да положь! А где взять? Ничего не поделаешь, придётся отдать самую прекрасную, самую девственную девственницу, то есть принцессу, то есть меня. Я не могла уйти, как сестра, я не могла бросить свой народ в беде. И я стала готовиться к смерти. Надела нарядное платье, распустила длинные золотые косы, они упали к ногам тяжёлой волной, и я стала расчёсывать их, напевая старинную песню Сольвейг. Я пела очень печально, хрустальным голосом, моя песня достигла далёких берегов, где жил зарубежный принц, богатый и красивый. Он тут же хотел примчаться ко мне на помощь, но его держала злая ведьма, которая обманом женила его на себе. А я пела, пела, мой голос звучал так, что чары рассея-

лись, и принц сказал ведьме: я не люблю тебя, я люблю де-
вушку, которая поёт, я пойду и спасу её.

С в е т а. Он пришёл и спас.

В е р а. Подожди-подожди! Сначала он пришёл, увидел
меня и полюбил ещё больше за мою внешность. Он сказал...

Входит Макс.

М а к с. Милая, твой голос достиг моих ушей, и я поду-
мал: какой чудесный голос, как красива, должно быть, та,
которая поёт таким голосом. Но вот я вижу тебя, твои длин-
ные золотые волосы, упавшие к твоим ногам, твоё лицо в
обрамлении золотых волос, под которыми сверкают огром-
ные голубые глаза в обрамлении длинных пушистых рес-
ниц. Ты прекрасна! Я спасу тебя!

В е р а. Он почти уже было спас меня, но ему помешали...

Входят Виктор и Павел.

П а в е л. Всё было совершенно не так! Жил-был худож-
ник один, звали его... не важно, как звали, главное, что ху-
дожник он был хороший, только бедный. Он работал с утра
до ночи, но почему-то не мог выбраться из долгов. Он гово-
рил в шутку, что цена его работы — это цена красок. Друзья
смеялись, а вот помочь никто не захотел. Жена от него ушла...
Раньше, когда у них ещё не родились дети, она говорила, что
мечтает стать его музой. Обманула! Нашла мужика побогаче.

С в е т а. Надо было рисовать королей! С королей хоро-
ший доход.

О ф и ц и а н т. Ошибаешься, короли не платят. А вот ми-
нистры — совсем другое дело. Любят портреты, где они по-
хожи на королей.

С в е т а. Ну, я это и имела в виду! Ты просто не понял. Я
ж говорю: нарисуй короля, повесь на видном месте, кто зай-
дёт, сразу увидит: ой, какой клёвый король, а меня можешь
так нарисовать? И всё, пошло-поехало, куча заказов! Если б
я умела рисовать, я бы на вашем месте... ну, то есть на месте
вашего художника... А ещё такой вариант: нарисовать мно-

го-много портретов короля и продавать, эти портреты везде нужны.

В е р а. Можно даже открытки! Одни для министерских жён, другие для детей, третьи для стариков. И на каждой надпись золотом: «С дружеским приветом! Ваш король». Я бы тоже такую открыточку купила.

С в е т а. А тебе-то зачем?

В е р а. Как зачем! Дочка собирает коллек... Соседей дочка. Из соседней страны.

С в е т а. Теперь понятно. А я не знала, что у тебя есть... соседняя дочка.

В е р а. Ну и что тут такого?

С в е т а. Ничего. У меня тоже есть, соседний сын. Могло быть больше, но не сложилось.

М а к с. И у меня два сына, теперь соседние. Остались с женой.

В е р а. С ведьмой!

М а к с. Ведьмой.

П а в е л. Все высказались? Я продолжу. Так вот, жена обманула, ушла к другому. Сын и дочка с ней...

В с е (хором). Соседние дети!

П а в е л. ...Но художник был упорный, он не сдавался. Однажды, когда ему стало совсем тяжело, пришёл крёстный.

В и к т о р. Он давно не навещал крестника, не знал, какие ужасные события произошли в его жизни. Конечно, он виноват, единственное, что его оправдывает: у него тоже наступили трудные времена. Итак, он пришёл, они посидели, поговорили о том, как им плохо, а потом крёстный сказал: ведь мы не одни с тобой такие, есть ещё, нам надо объединиться!

П а в е л. Сначала художник подумал, что крёстный бредит. Очень было похоже.

В и к т о р. Да. Особенно когда крёстный сказал, что вокруг полно зелёных человечков, и это наследники эльфов.

П а в е л. Но потом, когда они протрезвели, крёстный опять стал говорить то же самое, и тут уже художник заду-

мался: а может, правда? Крёстный уговорил его продать последние краски и мастерскую, это будет первый взнос в общество зелёных человечков. И они пошли искать своих.

В и к т о р. Долго ли коротко, пришли они в старую крепость.

В е р а. Кажется, я припоминаю эту историю. Там была принцесса с длинными золотыми косами?

В и к т о р. Нет, там был старинный приятель крёстного, людоед. Только никто не знал, что он людоед (кроме тех, конечно, кого он сожрал), и крёстный не знал. Он доверял приятелю.

С в е т а. Хватит, я не хочу это слушать! Мне страшно.

В е р а. Иди сюда, сестра. В моём доме никому не должно быть страшно. В моём доме уютно и спокойно. Эй, вы, кончайте говорить ерунду, а то выгоню!

М а к с. А по-моему, любопытный рассказ. Всё-таки что-то мужское. Надоело уже про девственниц и драконов. (*Официанту.*) Как считаешь?

О ф и ц и а н т. Мне по фигу. Мне всё скучно.

В и к т о р. Вот и славно, большинство «за». Значит, я продолжаю...

В е р а. Это мой дом!

В и к т о р. Это наш дом.

В е р а. Сегодня мой! Моя очередь, моя сказка!

С в е т а. С чего ты взяла?

В е р а. Но ты же согласилась!

С в е т а. Ничего подобного.

В е р а. Нет, ты согласилась!!!

С в е т а. Просто я не стала с тобой спорить.

В и к т о р. Деточки, что толку ссориться, настаивать на своих правах? У нас тут у всех одинаковые права. Мы пленники этого места, никто из нас не сможет отсюда уйти, мы здесь навсегда, впереди у нас вечность, каждый успеет сыграть свою сказку, и не по разу. Значит что? Нам следует договориться о правилах. Не правах, а правилах, понимаете?

П а в е л. Бросим жребий.

М а к с. Без толку, всё равно будем ссориться.

П а в е л. Поссоримся и помиримся, куда торопиться?

В и к т о р. Послушайте меня. Всё-таки у меня опыт организации подобных игр.

В с е (*вразнобой*). Наигрались в твои игры, чем кончилось?.. Надоело!.. Ты уже всех задрал!.. Тихо, давайте послушаем!.. Что его слушать!... Шарлатан!

В и к т о р. Разумеется, мы снова можем установить очередность, это остаётся как вариант, но поскольку сейчас все устали, предлагаю другое решение. Мы. Вместе. Сообща. Играем. Новую. Сказку. Со-чи-ня-ем.

Все молчат.

В и к т о р. Мы никому не нужны. Навсегда одиноки. Там, за порогом, нас ничего не ждёт.

П а в е л. Нас нет.

С в е т а. Мы ехали через лес, было темно, дорогу еле видно... А потом — ствол дерева, я не знаю, что за дерево, дуб? Мы влетели в дупло и... попали в заколдованный лес.

О ф и ц и а н т. Пирожок подвёл, впервые.

М а к с. Огонь, везде огонь...

П а в е л. Нечем дышать...

В и к т о р. Брось платок, и раскинется море!

П а в е л. Нет платка!

М а к с. Нет выхода!

В е р а. Не помню, что было... Не хочу помнить.

П а в е л. Ты сказала: пусть всё сгорит, взорвётся! Ты сказала!

В е р а. Не помню.

Молчат.

С в е т а. Мама читала книгу... Там вещи разговаривали.

В и к т о р. С картинками?

С в е т а. Ага.

В и к т о р. Наверное, Андерсен.

С в е т а. Не знаю.

В и к т о р. Ну, дальше, дальше! Что там было?

С в е т а. Ночью, когда люди спят, вещи оживают. Старый комод, стол и стулья, портрет на стене.

П а в е л. Портрет короля?

С в е т а. Может быть.

П а в е л. Это я его нарисовал. Король получился как живой.

М а к с. Каждая вещь норовила рассказать о себе, похвастаться своей ценой...

О ф и ц и а н т. Благородным происхождением.

В и к т о р. Тем, что она самая новая.

С в е т а. Тем, что она самая старая.

В е р а. Тем, что хозяин любит её больше прочих вещей.

П а в е л. А ещё они сплетничали о людях.

В и к т о р. В этом вопросе комод не знал равных! Ведь в нём так много ящиков.

С в е т а. Смотрите, какие трусики носит хозяйка!

В е р а. Мы милые кружевные трусики, нас берегут, нас надевают по особому случаю, когда хозяйка говорит мужу, что пошла к доктору, а на самом деле... хи-хи-хи.

С в е т а. Чулочки тоже хихикают, они тоже знают эту тайну.

В и к т о р. Да и кто её не знает.

П а в е л. А что спрятано под этим ящиком, ну-ка... Тайник! Хозяйский сынишка хранит здесь свои сокровища. Стекланный шарик, ржавая скоба, шпингалет, рваная открытка. Только он знает, зачем всё это нужно. А больше никто не знает, и сами вещи не могут ответить толком, почему мальчик принёс их с улицы. Правда, они могли бы рассказать о своей уличной жизни (открытку так вообще нашли на помойке), но кто бы стал их слушать. Такую мелочь не принимают в расчёт.

О ф и ц и а н т. Помнится, хозяин был сильно зол, обнаружив с обратной стороны столешницы жевательную резин-

ку. Он, конечно же, решил, что это дело рук сына, и строго его наказал. Стол никак не мог сообщить хозяину, что мальчик не виноват: резинку прикрепил высокопоставленный гость. У высокопоставленных тоже есть дурные привычки.

Света. «Верно, — подтвердили портьеры, — он тогда ещё вытер об нас руки, этот гость. Фу! А досталось опять мальчику. Бедняжка!».

Виктор. Так они говорили, говорили, говорили, судачили о том о сём. И вот однажды...

Вера. И вот однажды люди не проснулись. Вещи остались без людей.

Света. Здрасьте вам пожалуйста! Почему не проснулись?

Официант. Кто-то сбросил нейтронную бомбу.

Виктор. Поворот, конечно, интересный, но сказка получается не сказочная. Не добрая! И не смешная.

Павел. А надо добрую и смешную? Ну так в чём же дело? Вещи без людей — что может быть смешнее! А доброты сейчас подбавим. Так-с, где у меня розовая краска...

Виктор. Ты неисправим. Горбатого могила не выпрямит.

Павел. На себя посмотри! Корчишь из себя мудреца, всепрощенца! Где твоя мудрость была, когда... Всё из-за тебя, ты виноват, ты, скотина! Если б не ты! Я устал, я не могу больше!!! ХОЧУ ПРОСНУТЬСЯ!!!

Света подошла, погладила Павла по плечу, утешая.

Вера. Мамочка Светочка. Ты ему ещё колыбельную спой.

Павел рванулся к Вере, ударил, Вера ответила, Макс добавил, остальные не остались в стороне. Кроме Виктора, который продолжает говорить, будто ничего не случилось.

Виктор. И вот однажды люди не проснулись. Вещи не могли понять, в чём дело, почему утром, как всегда, никто не раздвинул портьеры, впуская солнечный свет, никто не

умывался, не спускал воду в туалете, не открыл холодильник, не включил чайник. Что случилось? Они молча ждали ночи, чтобы обсудить это странное явление. Они дождались, и каждая вещь высказала свою версию, было позволено говорить даже стеклянному шарiku, скобе, гвоздю и рваной открытке, но никто не предложил мало-мальски вразумительного объяснения. Это повторилось на следующий день и в следующую ночь, и снова, и снова. Поначалу вещи осторожничали, но вскоре начали говорить днём, словно бы назло людям: пусть-ка появятся теперь, послушают нас. Однако никто не появился. И наступил день (неизвестно какой день, этого не знал даже настенный календарь, потому что он не ориентировался в числах без человеческой помощи), когда все перестали надеяться. Это был ужасный день.

Драка прекратилась, все устали, расползлись по углам.

В и к т о р. Можно говорить когда угодно, с кем угодно, но о чём? Всё уже переговорено. Раньше вещи обсуждали хозяев. А теперь — кого обсуждать? Воспоминания испарились. У вещей слабая память. Вот пятно: кто-то пролил чай? Кто? Стол не помнит. Вот царапина на комодe. Почему она здесь? На обороте календаря кто-то написал неприличное слово. Чей почерк?

В е р а. Зеркало ничего не отражает. В него давно никто не смотрелся. *(Подошла к зеркалу, глядывается, провела рукой по стеклу.)* Ничего.

В и к т о р. Вещи забыли, как выглядят люди. Единственный человеческий образ остался на портрете. Да ещё на открытке можно найти, если очень внимательно присмотреться и добавить воображение, два крошечных силуэта: на первом плане заснеженные дома, голые ветви деревьев, улица под уклон, а там, вдали, на застывшей реке катаются двое, может быть, дети... две серенькие букашки. Однако и это уже кое-что. Всё-таки люди! Авторитет открытки сильно вырос. А портрет и вовсе стал иконой.

Света. Ну, и что дальше?

Виктор. Придумай. Это ведь твоя сказка тоже.

Света. Не хочу.

Вера. Я думаю, все стали молиться на короля.

Виктор. На портрет.

Вера. Да, на портрет короля.

Света. Как это? Глупости, вещи не могут молиться! И вообще они не молились. Они стали сочинять истории про людей!

Виктор. Умница, они стали сочинять истории! И, конечно, все люди в этих историях были похожи на короля.

Павел. Так сказать, по образу его и подобию. Все красивые, лица белые, глаза синие, носы...

Макс. ...красные! Носы, усы, борода. У всех, у женщин тоже, и у младенцев.

Вера. Дурак. Ты детям сказки рассказывал хоть когда-нибудь? Ты представь, что рассказываешь сейчас. Самую последнюю сказку, самую лучшую.

Виктор. Вера, я в тебя всегда верил. Ты правильно говоришь, по сути. Надо рассказать самую лучшую сказку, ну просто самую-пресамую. Про идеальных людей.

Света. Которых придумали вещи.

Виктор. Которых придумали мы.

Света. А мы и есть вещи.

Виктор. Пусть так.

Все разбрелись по комнате. Придумают или нет?

Вера. Дорогая моя девочка... Ты знаешь, что когда-то, давным-давно, люди были красивые и добрые? Они жили во дворце возле тёплого моря, носили белую одежду.

Официант. Они никогда-никогда не проливали на скатерть ни суп, ни красный соус, ни кофе-эспрессо.

Павел. У них было много денег, так много, что они даже не помнили о деньгах. А ещё они умели летать.

Макс. Они были свободные. Могли пойти куда угодно и не возвращались, если не хотели возвращаться.

С в е т а. Они не гладили постельное бельё, потому что это было бельё из немнущейся ткани.

В и к т о р. Они любили друг друга. Но вот однажды... А впрочем, всё закончилось хорошо. Баю-бай.

БАЮ-БАЙ.

**«Мама» — первое слово,
дорожке второго**

Мелодрама, обрывается

Действующие лица:

Первая Катя, 76 лет.

Вторая Катя, 67 лет.

Маша, 40 лет.

Любовь Ильинична, около 60 лет.

1.

Квартира в старом доме, солнце и покой, запах супа и лекарств. Первая Катя сидит в кресле, Маша — на диване.

Первая Катя. Сразу ко мне пришла, никуда больше не заходила?

Маша. Вы уже в третий раз спрашиваете. Никуда не заходила.

Первая Катя. Творожок из дома принесла?

Маша. Ай, да, забежала в магазин по дороге...

Первая Катя. Вот видишь: заходила в магазин, а говоришь «никуда не заходила». Зашла в магазин, потом выяснится, что ещё куда-нибудь... *(Прерывая возражения Маши.)* Не хочешь говорить со мной всерьёз, не воспринимаешь меня как собеседника. А всё почему? А всё потому, что ты пришла не для общения. Это визит вежливости, галочка против графы «надо навестить старую тётушку». Вот почему ты не слышишь моих вопросов, сразу отнекиваешься. Чтoб поскорее... как это вы, молодые, говорите, отвязаться?

М а ш а. Отмазаться.

Первая Катя. Противное слово. Ты грубая стала, Маша, твой язык испортился. Чувствуется, что тебя окружают совсем не те люди.

М а ш а. Меня вообще никто не окружает. Общения ноль! Общаюсь только с вами и тётёй Катей.

Первая Катя. Значит, ты всё-таки навещаешь эту особу.

М а ш а. Конечно, навещаю. Почему бы мне её не навещать, она моя близкая родственница, между прочим.

Первая Катя. «Между прочим» — те самые слова. Она между прочим. Когда я воспитывала твою маму и потом тебя... (*Маша кивает: знаю-знаю, сто раз слышали.*) Она только о том и мечтала, чтоб выйти замуж. Сегодня один кавалер, завтра другой. Правильно, кто её возьмёт, такую неряху. Если б она тебя воспитывала, у тебя в доме был бы такой же кавардак, как у неё. Ну разумеется, нам некогда пыль протереть, кавалер ждёт, все мысли об одном: как нарядиться пофуфыристей и накраситься поярче. Сегодня ты к ней тоже заходила?

М а ш а. Да нет же!

Первая Катя. Почему ты кричишь?

М а ш а. Каждый раз одно и то же: заходила — не заходила. Что ж вы делите меня, что вы мучаете! С самого детства одно и то же, одно и то же, одно и то же! Вся моя жизнь — одно и то же!!!

Первая Катя. Фу, Маша, посмотри на себя, как ты раскраснелась.

М а ш а. Хватит! Суйчас уйду.

Первая Катя. Конечно, ты можешь уйти, Машенька. Ты можешь делать всё, что тебе заблагорассудится. Тебя никто не держит, у тебя нет моральных обязательств передо мной...

М а ш а. У меня есть моральные обязательства! Но вы всякий раз доводите меня до того, что у меня уже нет моральных обязательств! Я терпела, я очень терпеливый человек, но моё терпение тоже не безгранично! Вы любого можете

достать до печёнок! Так и живёте одна, потому что никто не способен вынести вашу въедливость и занудство!

Первая Катя. Спасибо, Машенька, за правду. Я одна, потому что у меня скверный характер, а вовсе не потому, что всю свою жизнь я посвятила тебе.

Маша. Всё, я ухожу.

Первая Катя. К ней?

Маша. Да.

Первая Катя. Передавай привет.

Маша. Передам.

Первая Катя. И ещё скажи... Может, она заглянет ко мне? Родные сёстры, а почти не видимся.

Маша. Есть телефон, позвоните и пригласите. Или, ещё лучше, сами поезжайте. Вот хоть сейчас.

Первая Катя. Машенька, тебе трудно передать приглашение?

Маша. А вам трудно позвонить?

Первая Катя. Хорошо, иди.

Маша ушла. Первая Катя тщательно расправляет покрывало на диване.

2.

Квартира в доме поновее. Похожа на квартиру Первой Кати, здесь тоже уютно. Вторая Катя и Маша сидят за круглым столом. Вторая Катя раскладывает пасьянс. Руки ухоженные, с маникюром, на губах яркая помада.

Вторая Катя. Была у неё?

Маша. У кого?

Вторая Катя. Машенька, сколько раз я тебе говорила, что отвечать вопросом на вопрос неприлично. Это не красит девушку.

Маша. Тётя, умоляю, какую девушку! Ты посмотри на меня внимательно, у меня уже волосы седые, морщинка на лбу, второй подбородок растёт, а ты всё поучаешь, будто мне до сих пор не знаю сколько лет.

Вторая Катя (*вздыхает*). Так и есть. Ты для меня маленькая. Помню, притворилась, что хочу наказать твою куклу, а ты грозишь пальчиком: «Ни-ни-ни!». Такая крохотуля уморительная. «Ни-ни-ни!». Года три тебе было? Как на той фотографии. Дай-ка её сюда. Только осторожно, лекарства мои не урони!

Маша покорно пошла к тумбочке возле тахты, взяла картонную рамку с фото, примостившуюся среди пузырьков, принесла тете.

Вторая Катя (*любуясь фотографией*). До чего хорошенькая! Щёчки пухлые. (*Надувает щёки.*) А губки-то скривила. Обиделась на дядю-фотографа. Ах, какой он был... М-да. Что было, и что стало. (*Отставила фото, вновь раскладывает пасьянс.*) Ну-с, расскажи, как твои дела на личном фронте.

Маша. Никаких дел. Никакого фронта. Сплошной тыл.

Вторая Катя. Что ж так? У меня в твои годы была пропасть ухажёров. На меня и сейчас заглядываются, но тогда... Тонкая талия, поясок. Талию надо подчёркивать, Маша, обязательно! Глупо стесняться того, что дала нам природа. У нас в роду, слава богу, все женщины с талией, даже у этой — ну, ты знаешь, о ком я говорю... Так ты заходила к ней сегодня?

Маша. Заходила.

Вторая Катя. И? Почему из тебя каждое слово надо клещами тянуть, я не понимаю.

Маша. Екатерина Леонидовна передаёт тебе привет.

Вторая Катя. Серьёзно? Какая неожиданность. Что ж, передай ей, что я польщена.

Маша. Не буду передавать.

Вторая Катя. Поссорились? Опять терзала тебя: держи спину прямо, не морщи лоб, говори законченными предложениями.

Маша. Нет. Не важно... Не хочу об этом.

Вторая Катя. Можешь не рассказывать, я и так представляю, что она говорила. Всё её речи давно известны. (*Смешивает карты.*) Сейчас мы займёмся тобой. И не вздыхай

про свои сорок! Седые волосы можно покрасить, с подбородком тоже справимся, покажу тебе упражнение. Что там ещё, морщинка? Поменьше хмурься, милая, почаще улыбайся.

М а ш а. Не могу улыбаться, у меня зубы кривые.

В т о р а я К а т я. Всё равно улыбайся! Угрюмое лицо хуже, чем плохие зубы, уж ты мне поверь. *(Подошла к шифоньеру, раскрыла створки.)* Отличное платье, для тебя в самый раз. Немного перешьём, и будет чудо! Китайский шёлк, моя дорогая. Примерь. *(Подала Маше розовое платье.)*

М а ш а. Фасон устарелый.

В т о р а я К а т я. Что ты говоришь! Женственный фасон никогда не устареет. Нынешняя мода будто специально уродует женщину. В моё время было иначе. На груди сборки, чтоб попышнее, на талии в обтяжку, на бёдрах чуть свободнее, но не совсем, не мешком, а так, чтобы изгиб угадывался. И соблазнительно, и в то же время загадочно. Главное, учти, натуральный материал, сейчас такой на найдёшь. Надевай.

М а ш а. Ой, давай потом. Домой возьму, дома примерю...

В т о р а я К а т я. Маша!

Маша переодевается. Платье сидит ужасно.

В т о р а я К а т я. Прекрасно! То, что нужно. Здесь немного уберём, работы немного, на пять минут. Снимай, я мигом. Ты же знаешь, какая я сноровистая.

М а ш а. Не надо, всё и так хорошо!

В т о р а я К а т я. Машенька, это называется «шалый-ва-ляй». Женщина должна быть тщательно одета, все вытачки на месте, ни одной случайной складки, ни намёка на небрежность. Немедленно снимай платье!

М а ш а. Мне идти уже надо. Ну тётя, ну пожалуйста!

В т о р а я К а т я. Куда торопишься? Ждёт тебя кто-то?

М а ш а. Любви Ильиничне обещала прийти не позже восьми, ей что-то надо, она просила.

В т о р а я К а т я. Ну раз обещала. Если квартирная хозяйка для тебя важнее матери...

М а ш а. Тётя, перестань!

В т о р а я К а т я. Да, тётя. А когда-то говорила «мама». Ручки протягивала и лепетала «ма-ма». Куда оно всё делось? Живёшь с чужим человеком, родней пренебрегаешь. Ведь могла бы жить со мной.

М а ш а. Хватит. Мы уже сто раз говорили. Не могу больше! Вымотали меня, испортили весь выходной. Что одна сестрица, что другая!

3.

Квартира Любви Ильиничны. Есть нечто общее с квартирами Кать. Экономность и аккуратность.

Любовь Ильинична и Маша пьют чай.

Л ю б о в ь И л ь и н и ч н а. Случай был, у соседей наших. Не у тех, что за стеной, там сейчас новые люди. А когда-то жили сёстры. Ничего себе девахи, дурного сказать не могу. И вот одна вышла замуж, привела мужа в дом. Жить-то больше негде. И стали они жить втроём. Вроде не ссорились, я, по крайней мере, ничего не слышала. А потом однажды поутру бах-тара-рах, кричат, грохочут чем-то, я уж думала милицию вызвать: мало ли что. Но решила обождать. Обождала, значит... Чайку подлить? Ну вот, сижу тихо, притаилась, иногда на цыпочках подбегу к двери, прислушаюсь: нет, ничего. Уж не знаю, что и думать. Ну, не вытерпела и тихонечко приоткрыла дверь, выглянула — и в аккурат ихняя дверь открылась, и оттуда муж с сумками. Буркнул чего-то — и вниз по лестнице. Больше его не видела. Нет, было: встретила в городе, мимо шёл. Сделал вид, что не узнал. А может, и правда не узнал.

М а ш а. Ну и? Что там случилось?

Л ю б о в ь И л ь и н и ч н а. А вот слушай. С того дня неспокойно стало. Сёстры ссорятся, вещи швыряют... пару раз что-то в стену стукнуло. Слов не разобрать, но я всё-таки вызнала, в чём дело. История обыкновенная. Этот мужик, муж, на одной сестре женился, а с другой тоже шуры-муры

завёл, и так оно продолжалось, пока не вскрылось. Скандал! В конце концов сумели разменяться, или уж как там, не знаю... В общем, съехали. И поселились эти, которые сейчас. Ты думаешь, зачем рассказываю? А это я к тому, Маша, что нет ли такой причины между твоими тётками? Не поделили мужика.

М а ш а. Вряд ли. Сколько помню, никого не было. То есть были мужчины у тёти Кати, но это когда она уже отдельно жила. А у первой тёти Кати за всю жизнь никого.

Л ю б о в ь И л ь и н и ч н а. Их, что, одинаково зовут? Ты ж говорила, родные сёстры.

М а ш а. Родные сёстры, зовут одинаково. И маму мою звали Катей.

Л ю б о в ь И л ь и н и ч н а. Что учудили!

М а ш а. Дед сильно любил жену и всех дочерей называл её именем. Странно, но бывает.

Л ю б о в ь И л ь и н и ч н а. Бабушка твоя — тоже Катя? Наверное, бабушка была необыкновенная женщина.

М а ш а. Не знаю. Они умерли прежде, чем я родилась. Моя мама — поздний ребёнок, бабушке было уже за сорок. Говорят, тяжёлые роды... Дед ушёл почти сразу за ней. Они поженились рано, а детей долго не было. Потом тётя Катя, и опять никого долго не было. Потом другая тётя Катя. И опять... Лучше бы у них совсем никого не было!

Л ю б о в ь И л ь и н и ч н а. Зачем так? Дети — всегда хорошо. Намаешься, конечно, но... Будут у тебя свои — поймёшь.

М а ш а. Куда мне своих?! Ни жилья, ни... Оглянешься на прошлое, так и думаешь: лучше б меня вместе с мамой в гроб положили!

Л ю б о в ь И л ь и н и ч н а. Бедная... Давай всё-таки чай освежу. Сколько лет старшей твоей тётке?

М а ш а. Семьдесят с чем-то... Я не помню, каждый раз подсчитываю.

Л ю б о в ь И л ь и н и ч н а. Вот и посчитай. Это успокаивает. Я, когда разволнуюсь, начинаю считать. У меня для

этой цели чеки припрятаны. Достану и складываю, цифирька к цифирьке. А когда закончатся, складываю в обратном порядке. Если сильно волнуюсь, тогда так: считаю, сколько бы сейчас исполнилось моему покойному коту, сколько лет моей бегонии, вычитаю возраст бегонии из возраста кота... Что смотришь? Ты попробуй мой способ, увидишь, как помогает.

4.

Квартира Второй Кати. Хозяйка раскладывает пасьянс, Первая Катя сидит против Второй, спина прямая, руки на коленях, сумочку пристроила рядом на столе.

Первая Катя. И не надоест тебе?

Вторая Катя. Ты о чём?

Первая Катя. Пасьянсы раскладываешь день-деньской. Жениха гадаешь? Лучше бы делом занялась.

Вторая Катя. Тебе охота, ты и займись.

Первая Катя. Сколько знаю тебя, всегда один ответ.

Вторая Катя. Да уж, долго ты меня знаешь.

Первая Катя. Обидно глядеть, как человек попусту тратит время.

Вторая Катя. Так не гляди!

Первая Катя. Нервничаешь? Потому что я права. Только подумай, сколько за это время ты могла бы сделать полезного.

Вторая Катя. Завод построить, ракету в космос запустить?

Первая Катя. Не ёрничай, это тебе не идёт. Мы женщины, нам не дано перевернуть мир, но в наших силах сделать планету чище, опрятнее. Надо начать с малого: места, где ты живёшь. Давно мыла пол?

Вторая Катя. Вчера... А что такое?

Первая Катя встала, прошла к плинтусу, нагнулась, захватила комочек пыли.

Первая Катя. Пыль!

Вторая Катя. Великое дело! Эй, ты куда?

Первая Катя встала на колени, что-то скребёт в углу. Встала, подошла к сестре, высыпала ей на колени горсть сора.

Вторая Катя. Ты что! Сумасшедшая!

Первая Катя. Любуйся. Сколько раз говорила: надо плитуса промывать тщательно, никакие швабры не годятся, надо ручками, ручками!

Вторая Катя. Я не могу нагибаться. Да и не надо мне!

Первая Катя прошла к серванту, достала бокал.

Первая Катя. Так и знала! Стекло мутное, с потёками, а вот здесь, смотри, след помады!

Вторая Катя. Где?

Первая Катя (*стучит ногтем по краю бокала.*) Здесь.

Вторая Катя. Инспекцию устроила? За этим пришла? Унизить меня?

Первая Катя. Ты сама себя унижаешь: а) небрежностью; б) неряшеством; в) халтурным отношением к работе.

Вторая Катя. Ну-ну. Зато у тебя в квартире стерильно.

Первая Катя. Идеальная чистота.

Вторая Катя. Ага. Только совесть свою никогда не очистишь.

Первая Катя. Грубишь. Знаешь, что не права, потому и грубишь. Но я пришла не за этим. Зря ухмыляешься. (*Села, вытерла руки белоснежным платком, вынутым из сумочки.*) Я пришла поговорить о Маше. Девочка живёт с чужим человеком, этот человек ей ближе, чем родные. Не знаю, как тебе, а мне эта ситуация кажется ненормальной. Ты хотя бы видела ту женщину? Молодая?

Вторая Катя. Моя ровесница. Не понимаю, чем она Машу привлекла. Бесцветная моль.

Первая Катя. Возможно, там кроется что-то, чего мы не знаем.

Вторая Катя. На что намекаешь?

Первая Катя. Разные бывают случаи. Девушек заманивают в секты, в публичные дома...

Вторая Катя. Ой, не смейся. Наслушалась кумушек в поликлинике и пересказываешь их побасёнки. Ничего такого там нет. Я же говорю, обычная, скучная кассирша. Или не кассирша... Но кто-то из этого разряда.

Первая Катя. Надо мне самой всё проверить.

Вторая Катя. Пойдёшь туда? Это будет феерично. Только, пожалуйста, не учи её мыть пол: мало ли как ответит. Ещё окатит водой из ведра!

Первая Катя. Фантазируй, фантазируй. А бокалы-то всё-таки перетри.

Вторая Катя. Что ещё прикажете?

Первая Катя. Я не приказываю. Я советую. Может быть, хочешь что-то передать для Маши?

Вторая Катя. Что это ты... А, повод нужен. Тебе повезло, у меня есть что передать. Погоди.

Раскрыла шифоньер, роется.

Первая Катя. Скелет в шкафу?

Вторая Катя. Угадала. Сто лет назад заперла милого друга, только теперь вспомнила. На вот. *(Отдаёт свёрток.)*

5.

Квартира Любови Ильиничны. Хозяйка штопает носок, Маша листает журнал.

Любовь Ильинична. Заходила твоя тётя.

Маша. Опять?

Любовь Ильинична. Нет, другая. Старшая. Хорошо держится для своих лет. Выглядит хорошо. Поговорили мы... Так, обиняками. Беспокоится о тебе, хоть виду старается не показать.

Маша. Беспокоится как надзиратель о сбежавшем арестанте.

Любовь Ильинична. Это, конечно, не моё дело... Но всё-таки я не могу оставаться в стороне. Знаешь, Маша, ты к ней несправедлива. У каждого свои причуды, мало ли. Не надо на это смотреть, смотри вглубь. А то за причудами не заметишь, что человек алмазный, истинный.

Маша. Как это вы за одну встречу успели заметить, чего я за всю жизнь не заметила?

Любовь Ильинична. Заметила. Только не хочешь признать.

Маша. Ладно, я спать пойду.

Любовь Ильинична. Прячешься. От одной тётки сбежала, от другой сбежала, теперь от меня бежишь. А на самом-то деле — от себя бежишь.

Маша. Диагноз, значит, поставили.

Любовь Ильинична. Не обижайся. Я тебя не гоню, живи сколько хочешь. Только ведь не дело это — всю жизнь прятаться.

Маша. Я не понимаю! Что во мне такое, что меня все поучают? Я что, произвожу впечатление маленькой девочки? У меня нет права на собственную жизнь? Лезут и лезут, у каждого полно советов, прям жаждут поделиться!

Любовь Ильинична. Ну вот, обиделась. Машенька, прости, я напрасно... Ну прости меня! Правда, не надо было мне. Но это ж я от сочувствия! А погляди, что тётя тебе принесла. Свёрток, сюрприз.

Маша. Не хочу. Мне ничего от неё не надо.

Любовь Ильинична. Тогда можно я разверну? *(Маша пожала плечами.)* Ох ты, какая красота! Машенька, платье! Шёлковое. Примерь, а?

Маша. Ясно: тётушки встретились, провели военный совет, как вернуть блудную племянницу. Они только ради меня и могут друг друга терпеть.

Любовь Ильинична. Примерь, я прошу. Хочется поглядеть на красоту.

Маша с видом «терять уже нечего» переоделась в платье.

Перешитое сидит гораздо лучше.

Любовь Ильинична. То, что надо. Картинка! Подойди к зеркалу, подойди! Господи ты боже, точь-в-точь как я в молодости.

Маша рискнула посмотреться в зеркало. Да, хороша Маша.

Маша. А не засмеют?

Любовь Ильинична. Глупости! Что ты, как школьница, боишься оценки. И правда, маленькая. Кто их будет ставить, оценки эти, ты подумай?

Маша. Всё равно боязно.

Любовь Ильинична. Мужчины не засмеют, этого можешь не бояться.

Маша. Мужчины... Нет у нас мужчин.

Любовь Ильинична. Ни одного? Машенька, меняй работу!

Маша. Из-за мужчин менять работу?

Любовь Ильинична. Хотя бы из-за них. Бабы съедят, и не заметишь. Даже замужним и детным вредно работать в женском коллективе, уж я знаю, можешь положиться на мой опыт.

Маша. Ну да... Это так.

Любовь Ильинична. Вот я и говорю. Или тебя что держит? Машутка, я тридцать лет на одном месте просидела, среди бабс, только по одной причине. И сказать стыдно, почему. Сказать? К нам однажды ревизор пришёл симпатичный, ну и все наши, конечно, в боевую стойку, груди выкатили, юбки на пузо будто сами лезут — страшно смотреть. А он невозмутимый. И только на меня тайком косит. Чувствую, понравилась. Что-то такое возникло между нами. Притяжение. Но не такое, не грубое, как бывает... бывало. Необычное что-то, нежное... Волновались оба, а виду не показывали. Понимаешь? Да, понимаешь? Что ты так смотришь? Ну-ка, рассказывай. Маша! Ты учти, я тридцать лет просидела, ждучи, когда он опять придёт. Не дура ли? Ой, Маша...

6.

Квартира Первой Кати. Хозяйка в кресле, гостя на диване.

Любовь Ильинична. Машенькене сказала, что квам пойду. Подумает, что действую втихаря, за спиной. Вспылит.

Первая Катя не отвечает, губы сжаты. Суровая мученица.

Любовь Ильинична. Нет, так-то она смиренная, кроткая даже, но вдруг как вспыхнет, не пойми откуда огонь, с ровного места в карьер. Я так думаю, это от того, что она терпит много, больше, чем нужно, а потом не выдерживает. Это для нервов очень вредно. Была у меня приятельница, давно уже, в юности, тоже смиренная, глаз не подымала, обидят — только губы сожмёт, вот как вы сейчас, извините, да так побелеет иной раз, что глядеть страшно. Спросишь: что с тобой? Головой мотает: ничего. Ну и довела себя...

Первая Катя. Очень интересно слушать про вашу приятельницу, но позвольте вопрос: с чем вы пришли?

Любовь Ильинична. Так я о Маше. Хотела с вами поговорить.

Первая Катя. Не намерена обсуждать близких с незнакомыми людьми.

Любовь Ильинична. Да мы ведь познакомились вроде? Я Люба, хозяйка квартиры, где Маша сейчас живёт. Вы вчера у меня были, помните?

Первая Катя. Не изображайте из меня сумасшедшую. С памятью у меня всё в порядке. Называя вас незнакомой, я имела в виду, что мы посторонние друг другу люди. К тому же, насколько я могу судить, мы вряд ли сойдёмся, у нас мало общего, если не сказать совсем ничего общего.

Любовь Ильинична. Как же, а Маша? Она у нас общая.

Первая Катя. Это наглость! Кто дал вам право влезать в нашу жизнь? В наши отношения, которые к вам не

имеют никакого отношения! Вы, любопытная Варвара, втёрлись в доверие к неопытной девочке, приманили её ласковыми речами, а под видом доброты и участия начали разнюхивать, что да почему. Вам нужна пища для развлечения! Вам скучно, дети вас бросили, им неинтересна приземлённая ограниченная курица, и вы нашли себе новую игрушку. Но вам мало, вы хотите влезть ещё в мою жизнь, историю моей семьи, чтобы потом пересказывать соседкам на лавочке! Знаю таких, перевидала массу. Вот что, любезная, ваш фокус не удался. От меня вы ничего не узнаете. Самое лучшее, что вы можете сделать, — немедленно уйти. Но прежде верните мне Машу!

Любовь Ильинична. Высказались, легче стало? А я ничего, обиду не взяла. Я таких, как вы, тоже перевидала массу. Меня на испуг не возмёшь, и не в таких передрыгах приходилось бывать. Вчера подумала о вас, что женщина разумная, интеллигентная, ещё Машеньке сказала: какая тётя у тебя интересная. А сегодня, гляжу, поправочку надо внести: женщина интересная, да совсем в другом смысле. По части прятков вы Машу переплюнете. Ладно, не моё дело, это вы правильно сказали. Я бы не пришла, но кто ещё, кроме меня, это сделает... Вы сказали, что дети бросили меня, — нет, не бросили, у них всё замечательно, я знаю, что им порознь со мной хорошо, они уже выросли. А ваш ребёнок не вырос! Она несчастная! Не могу на это глядеть, сердце разрывается. Как вы не поймёте, что если она от меня уйдёт, то это не значит, что она к вам вернётся. Она ещё куда-нибудь сбежит, подальше, и совсем не факт, что ей попадётся порядочный человек.

Первая Катя. Пусть от вас уйдёт, а там поглядим.

Любовь Ильинична. Сам не ам и другим не дам, вот как это называется.

Первая Катя, не глядя на гостью, протянула указательный палец в сторону двери. Любовь Ильинична ушла, Катя расправляет покрывало на диване.

7.

Квартира Второй Кати. Хозяйка и гостя пьют чай с шарлоткой.

Вторая Катя. Наклоняться не могу, только наклонюсь, в глазах темнеет, и голова кружится.

Любовь Ильинична. А что врач говорит?

Вторая Катя. «Не наклоняйтесь, — говорит. — Вам вредно».

Любовь Ильинична. И всё? Так и не надо наклоняться. Хватит, накланялись.

Вторая Катя (*смеётся*). Это правда. Всю жизнь к земле гнёшься. Только бы пониже да потише, чтоб не заметили тебя, а если шлёпнут, то чтоб не по голове, а по заднице, она для того и предназначена.

Любовь Ильинична (*смеётся*). Язычок у вас бойкий. Хорошо сказали, мне бы до такого не додуматься.

Вторая Катя. Что есть, то есть, на чувство юмора не жалею. Только я одна во всей семье.

Любовь Ильинична. А вот, кстати...

Вторая Катя. Про наклон ещё что подумала. Бывает, что голова не кружится, зато поясница тут как тут. И ноет, и ноет, спасения нет. Вот и получается, что на пенсии человек перестаёт гнуться. Только на пенсии человек может быть гордым! (*Смеётся, Любовь Ильинична вторит.*) Но я вас перебила, вы что-то сказать хотели.

Любовь Ильинична. Да вот по поводу семьи...

Вторая Катя. Ой, а что же вы мою шарлотку ни разу не похвалили? Не нравится?

Любовь Ильинична. Что вы, так вкусно, оторваться не могу, чуть язык не проглотила.

Вторая Катя. Дам рецепт. В нашей семье только я умею готовить, что бы там сестра себе ни думала.

Любовь Ильинична. А вот я как раз... Всё гадала, почему вы имя не сменили?

Вторая Катя (*после паузы*). Я сменила. Не только имя, фамилию тоже. Школу закончила и сразу сбежала замуж, за первого встречного. Фамилию его взяла и заодно другое имя. Человек намного меня старше, крупный начальник, солидный был человек. Окружил заботой и вниманием. Большая разница с тем, как я жила в семье. После смерти родителей Катька нас одна тянула, дальняя родня помогала, но у всех свои дети, свои, как говорится, проблемы... Так что нагоревались. И вот после этого, представьте, попала в рай. Уехала далеко-далеко от прошлого. Поначалу очень счастливая была: и дом, и муж хороший, достаток, никого из старых знакомых. А потом... Не любила я его. От этого, что ли, началась моя болезнь. Всё хуже и хуже, страшно по ночам спать, не могла спать. Днём тоже страшно, чудится, что сейчас ворвутся грабители, изнасилуют, убьют. Страсти всякие представлялись, до сих пор помню. Дошло до того, что мыться боялась: вдруг за шумом воды не услышу, как ломают дверь.

Любовь Ильинична. Ну, это-то можно услышать, вода не помешает.

Вторая Катя. А если не взломают, если ключ подберут?

Любовь Ильинична. Тогда не услышишь.

Вторая Катя. То-то и оно! Представляете, что я пережила? Совсем себя довела. Наконец, когда стала умолять мужа поставить второй замок и дверь покрепче, он заподозрил, что дело неладное. У нас там, в городке, двери вообще не закрывали, опасаться некого, все свои. А я фантазировала... Это от нелюбви, теперь знаю. Муж договорился с доктором, у них там был специалист: работа нервная, поэтому нужен такой специалист, на всякий случай. Стали меня лечить. Доктор — мужчина малоинтересный по внешности, но пикантный. Говорили мы с ним, говорили...

Любовь Ильинична. О дверях?

Вторая Катя. Какая вы непонятливая. Обо мне говорили! Спрашивал о семье, о детстве. Никто столько обо мне не узнал, как он. Стал мне родным человеком.

Любовь Ильинична. Так что он, вылечил вас?

Вторая Катя. Куда там! Влюбился! Да, вот так, представляете? Я в юности красоточка была, все заглядывались. Тонкая талия, поясочек...

Любовь Ильинична. А вы в него тоже влюбились?

Вторая Катя. Мне тогда казалось, что по уши! Такая страсть неземная. Он решил уйти от жены, я от мужа.

Любовь Ильинична. Да, бывает.

Вторая Катя. Бывает-то бывает, да не всегда трагично заканчивается.

Любовь Ильинична. Батюшки!

Вторая Катя. Да. Они стрелялись. Из-за меня.

Любовь Ильинична. Муж и доктор?

Вторая Катя. А то кто же. Дуэль устроили. И муж мой застрелил моего любовника. Дальше всё было не так интересно... В общем, я вернулась домой, к своим Катькам. Развелась. Фамилию оставила, красивая фамилия, благородная, а имя вернула. В память о любимом. Понимаете, он мне одну вещь открыл: если меняешь имя, это значит, меняешь судьбу, и можешь так всю карму испортить. Надеюсь, вы знаете, что такое карма? Когда это случилось, я поняла, что все мои несчастья проистекли от перемены имени. Если б я не отказалась от своего имени, то, может, и мой любовник был бы жив!

Любовь Ильинична. Он тоже поменял имя?

Вторая Катя. Почему?

Любовь Ильинична. Вон как свою карму испортил.

8.

Квартира Первой Кати. Хозяйка на диване, гостя заняла её кресло.

Вторая Катя. Ох и фрукт эта Любушка-Любовь. Вообрази, пришла ко мне без спросу, слопала всю шарлотку,

будто с голодного краю, честное слово! С такой жадностью накинута, я думала, она стол сгрызёт вместе с шарлоткой. И главное, ест, ни слова доброго не скажет. Порядочный человек должен сначала откусить кусочек, похвалить труд кулинара, а потом уже деликатно доесть, и если очень понравилось, тогда можно просить добавку. Одну порцию, не больше. А эта жрёт и жрёт, похвалы не дожждётся. Я не вытерпела, спрашиваю иронично — ну, ты знаешь, как я умею: нравится вам мой пирог? Так что же ты думаешь, она плечиками пожала и говорит: да, ничего пирожок, только я не хуже стряпаю. Спрашивается, чего же ты чужое ешь, если своё нравится?

Первая Катя. Не понимаю, зачем ты её угощала. Много чести для такой, как она.

Вторая Катя. Так получилось. Она вошла: ой, как у вас вкусно пахнет, пекли что-нибудь? Мне неудобно отказать.

Первая Катя. Неудобно! Скажи лучше, тщеславие хотела потешить. Похвалы ждала. Вот и наказана, поделом тебе.

Вторая Катя. Как же ты умеешь перевернуть с ног на голову! Давно подозреваю, что тебе нравится портить людям удовольствие. Скажешь гадость и сидишь забавляешься внутри.

Первая Катя. Не суди обо мне по себе. Если уж что-то говорю, то от чистого сердца, у меня двойного дна нет, я человек прямой.

Вторая Катя смотрит с издёвкой.

Первая Катя. Зачем пришла?

Вторая Катя. К чистоте твоей прикоснуться. Научиться твоей прямоте и честности.

Первая Катя. Поучись.

Вторая Катя. Тяжело с тобой. А я ведь с серьёзным разговором. Кать...

Встала, прошла к шкафу, делает вид, что рассматривает репродукцию за стеклом.

Вторая Катя. С детства люблю эту картинку. Мечтала, что стану похожа на эту даму, и одета так же. Вот утро, свежее, майское, цветёт сирень, я в голубом платье иду вдоль пруда, задумчивая... Катя... Я подумала, может, нам съехать-ся? Я бы свою квартиру сдавала, деньги не помешают, можно Машеньке отложить в наследство. Опять вместе бы жили, как в старые времена. Помнишь? Ну да, по-всякому бывало, но в основном-то хорошо. Как ни крути, одна семья. Забудем распри, будем жить мирно, гладко. Ты уборкой занимаешься, я на кухне. Поутру, рано-рано, вместе на рынок пойдём, выберем всё самое лучшее, свежее, молочко парное, овощи, зелень. Идём домой, разговариваем, вспоминаем свою юность, обсуждаем чужую. Весело, правда? Глядишь, и Машенька к нам вернётся. Снова все вместе. А ещё на могилы съездим, к папе, маме, Катеньке... Поправим памятник, оградку покрасим, посадим можжевельник. Сядем, поплачем на могилках, а солнышко припекает, и так вдруг на душе хорошо, будто ничего не было, всё только будет. Что молчишь?

Первая Катя. Ищу, где подвох.

Вторая Катя. Нет подвоха. Страшно мне, сестра.

Первая Катя. Смерти боишься?

Вторая Катя (*качает головой*). Ночью спать не могу, прислушиваюсь. Кажется, что кто-то в замочной скважине ключом шкрябает. В подъезде кто-то ходит, не ко мне ли? Шаги за окном, разговоры, вскрики. Всё слушаю, слушаю, боюсь уснуть.

Первая Катя. Если весь день спать, то, конечно, ночью глаз не сомкнёшь. Попробуй встать на заре, весь день работай, к вечеру так захочешь спать, что свалишься. И всю твою хворь как рукой снимет.

Вторая Катя (*хотела сказать, передумала*). Иного я от тебя не ждала. Что ж, пойду.

9.

Первая Катя лежит на диване, рядом сидит Любовь Ильинична.

Первая Катя. Простите, что принимаю Вас в таком виде.

Любовь Ильинична. Да что вы!

Первая Катя. Не сердитесь? За тот раз?

Любовь Ильинична. Не стоит даже вспоминать. Всё пустяки, кроме здоровья.

Первая Катя. Вы сами знаете, что это не так... Спасибо.

Любовь Ильинична. Может, всё-таки поехать в больницу?

Первая Катя. Нет. Не настолько я плоха. Полежу немного и встану. Так уже бывало, и ничего, каждый раз подымалась. Теперь тоже... Обойдётся. Вам, конечно, интересно, почему... У меня есть родные. Но я не могу с ними говорить, мне надо с вами. В прошлый раз я сказала... Не важно. Это были необдуманные слова. Я верю, что вы хороший человек, вы замечательная мать. Дети должны жить отдельно, всё правильно. Но я не об этом хотела поговорить. Хотя об этом тоже. Молодые должны жить отдельно, это так. А старые? Старым вредно жить в одиночестве. Поэтому... Перебирайтесь ко мне.

Любовь Ильинична. Я... Это как-то...

Первая Катя. Вы добры, вы многое сделали для моей девочки. Наверное, полюбили её. Её нельзя не любить. Разумеется, она не лишена недостатков, но со временем... Я слишком сурово её воспитывала. Теперь жалею об этом. Боюсь, что, если мы опять будем жить вместе, не сумею сдерживаться. А вы бы помогли, вы бы сдерживали меня, у вас достаточно сил. Моя сестра не годится, она слабая.

Любовь Ильинична. Ваша сестра столько пережила...

Первая Катя. Она выдумщица, всегда фантазировала, приукрашивала жизнь. Я не осуждаю, каждый спасается как может, но верить всему, что она болтает, — увольте.

Любовь Ильинична. То есть не было никакого замужества, никакого доктора? Дуэли не было?

Первая Катя. Да нет, почему же, всё было. Только не так. Но зачем о ней говорить, давайте о нас. Вам интересно о ней? Ну, что... Она сбежала из дома, не окончив школу, с каким-то бандитом. Не знаю, у меня не было охоты узнать. Она появлялась иногда, похвастать. Видела, что мы с младшей чуть не голодаем, однако ни разу не предложила помощь. Ну а потом, что потом... Всё закономерно. Бандит застрелил кого-то, посадили, золото с шубами отобрали, и вернулась Катка к нам, как была, голытьба.

Любовь Ильинична. Странно... Она так правдиво рассказывала.

Первая Катя. Это она умеет. Да бог с ней. Она легкомысленная, вздорная. Хотя я должна быть ей благодарна. Она растила Машеньку с младенчества. Пока меня не было.

Любовь Ильинична. Я знаю. Она говорила... Вроде бы по документам она Машеньке мать?

Первая Катя. По документам. Удочерила девочку. Вышла замуж за её отца... Тоже фиктивно. Всё фикция.

Любовь Ильинична. Вам хуже? Давайте скорую?

Первая Катя. Нет. Я ещё не... Надо закончить. Вы должны всё узнать.

10.

Любовь Ильинична в своей квартире. Входит Маша.

Любовь Ильинична. Маша, где же ты была! Я звонила, потом примчалась сюда. Маша, сядь. Екатерина Леонидовна в больнице! Состояние очень плохое. Я была у неё, вызвала скорую. Маша, что ты сидишь, вставай, надо ехать!

Маша. Не хочу.

Любовь Ильинична. Как «не хочу»? Что значит «не хочу»? Надо ехать!

Маша. С места не сойду.

Любовь Ильинична. Что с тобой?

Маша. У меня не было воли, я всем подчинялась, люди вертели мной как хотели. Сегодня я приняла решение: от-

ныне я другая, и жизнь у меня другая. Ничто не сможет поколебать меня в моей воле.

Любовь Ильинична. Да ведь она там умирает!

Маша. Не важно. Она умрёт, я стану наследницей, получу её квартиру, нашу квартиру, продам её, куплю другую, новую, абсолютно новую. Буду жить одна в своё удовольствие. Как тётя Катя.

Любовь Ильинична. Тётя Катя тоже там.

Маша. Тоже умирает?

Любовь Ильинична. Типун тебе на язык! Дежурит.

Маша. Жаль. Так бы я ещё одну квартиру получила.

Любовь Ильинична. Что с тобой, очнись!

Маша. Я уже очнулась. Разве не видите? Я совершенно спокойна, моя прошлая жалкая личность слетела как шелуха. Теперь я циник.

Любовь Ильинична. Нашла время! Циником можно быть, когда все здоровы, слава богу, а когда такая ситуация, тут не до цинизма.

Маша. Какая ситуация? Старый человек умирает, это естественно. Я ещё не старая, хочу жить, — это тем более естественно. Мне неприятно наблюдать болезнь, мучения, смерть — это естественно. Не поеду в больницу.

Любовь Ильинична. Нет, поедешь. Тебе надо в больницу, ты больна.

Маша. Я наконец-то здорова.

Любовь Ильинична. Уверена?

Маша молчит, улыбка у неё странная, нездешняя.

Любовь Ильинична. Маша, ты знаешь, что твоя мать не та...

Маша. Это не важно.

Любовь Ильинична. Твоя мама в больнице!

Маша. Пусть так. Раньше я думала, что моя мама на кладбище, теперь оказалось, что моя мама в больнице. Сегодня в больнице, завтра на кладбище. Не всё ли равно?

Любовь Ильинична. Ты знала? Знала, что твоя мама не та, младшая, а старшая?

Маша. Мне кажется, я знала это всегда. И это не важно.

Любовь Ильинична. У тебя стресс. Но что делаешь, девочка, надо себя преодолеть, надо поехать к маме. Соберись, ну!

Маша. Хватит командовать. Я не подчиняюсь. Только попробуйте прикоснуться — ударю.

Любовь Ильинична. Что ты, я и не думала... Не хочешь вставать — не вставай. Сиди тут. А я поеду.

11.

Маша одна. В каком-то месте. Там ли, здесь ли.

Маша. Меня бросили сразу, как я родилась. Все. Я не должна была рождаться. Моя мать согрешила с моим отцом, который не был её мужем. Он был мужем её сестры, которую она воспитала как мать. Она была ей как мать и отобрала у неё мужа. *(Смеётся.)* Когда я родилась, жена моего отца узнала, что он изменил ей с её сестрой, которая воспитала её как мать. От страшной обиды... или просто сдуру она покончила с собой. В этой семье все были не в себе. Не сами собой. Начиная с идиотов, которые называли детей одинаково. И тут же умерли, оставив детей на произвол судьбы. Они так любили друг друга, что умерли в один день и даже не задумались, что будет с детьми. Так и продолжалось. Никто не думал о детях.

Моя мать, узнав о самоубийстве сестры, которую я долгое время считала матерью, сошла с ума, и её поместили в больницу. Её там лечили и вылечили. А что же в это время я? Мой отец женился на сестре сестёр, и она удочерила меня. Она не была моя мать, но была моей матерью по документам. Она жила со мной, пока не вернулась моя мать, которую я считала тётей. *(Смеётся.)* Они жили втроём: одна сестра, которая была моей матерью, вторая сестра, которая называлась моей матерью, и третья сестра, которую я счита-

ла матерью... нет, третья уже не жила. Жил человек, которого я называла, считала, и он был отцом. Муж моей тёти, которую я считала матерью, любовник матери, которую я считала тётёй, муж тёти, которая считалась матерью. Неудивительно, что он сбежал. Может, умер. Никто не знает о нём, и я не хочу знать.

Ничего не хочу знать. Я поняла это сегодня, когда тётя, которая считалась матерью, рассказала мне всё. Я не знаю, почему она не сделала этого раньше. Я не знаю, почему она сделала это сейчас. И не надо знать.

Как зовут, как называют, кто кому кем приходится, где живёт. Или не живёт. У всех одинаковые имена. У всех одинаковые квартиры. У всех одинаковые истории.

Мне всё равно. Меня не должно было быть, следовательно, меня не было. Меня нет.

12.

Больница. Первая Катя лежит, Вторая Катя примостилась на стуле рядом с кроватью.

Вторая Катя. Помнишь, мы говорили, что надо съехаться? Ты отказалась. Так обидно! Не помню, как добралась домой. Злилась на тебя ужасно! Прости, Катя. Мне было страшно, опять, ночью, так страшно, как никогда. Мне даже в детстве не было так страшно. Только утром смогла заснуть. Приснилась Катя, покойница наша. И мама с ней, и папа. И почему-то Георгий, Машин отец. Наверное, тоже умер, как думаешь? Катя, у меня с ним ничего не было, ты зря ревновала. Ну, может, раза два... Всё-таки жили вместе, вроде как муж с женой. Ты его любила, да? Любила. А я не любила, я никого не любила. Разве только девочку нашу. Где же она, почему не идёт?

Первая Катя. Она пришла?

Вторая Катя. Нет ещё. Подожди, придёт. Конечно, придёт. Ты поспи пока. Ты ведь говорила, что ночью надо спать, вот и поспи. А утром она придёт.

Первая Катя. Хорошо... Разбуди меня сразу, как только...

Вторая Катя. Обязательно. Ты слышала, как я сон своей рассказывала? Я так испугалась во сне. Думала, это они за мной пришли, забирать меня. Теперь-то я думаю, что это расшифровывается по-другому: надо на могилы съездить, мы давно не были. Вот подымут тебя, соберёмся и поедем. Да? Спи-спи. Странно, сейчас ночь, а мне впервые не страшно. Потому что мы снова вместе. Люди кругом... А тогда было жутко, ты должна понять, как было мне жутко, иначе не поймёшь, почему я... Я была в таком состоянии, не описать. Проснулась в поту, сердце колотится, руки дрожат. Я не владела собой. Поэтому... В общем, позвонила Маше на работу и всё ей рассказала, всё дочиста. Знаю, не надо было это делать, по телефону не надо. Но так уж вышло. Ты не сердись? Прощаешь меня? Сама посуди, сколько можно было это терпеть. Тебе самой следовало рассказать. Не понимаю, зачем так долго... Ты решила, ты старшая, я всегда слушалась тебя. Почти всегда. Но ничего, главное, что теперь девочка всё знает. Погоди, она осмыслит, уложит в своей головёнке, головёнка у неё умная. Поймёт и приедет. Подождём. Конечно, приедет. Кровь не водица, родные люди...

Первая Катя. Доченька...

Вторая Катя (*утирает слёзы, моркается*). Почему же мне никто никогда не сказал: доченька? И я никому не сказала. Никто никому.

Первая Катя. Она пришла?

Вторая Катя. Нет.

Первая Катя. Я чувствую, она пришла! Посмотри!

Вторая Катя. Никого нет.

Первая Катя. Посмотри! Вот она!

Вторая Катя. Кто?

Первая Катя. Наша мама.

Входит Любовь Ильинична.

Конец

Содержание

<i>Ю. Мандрика. «Стихи никому не нужны...»</i>	3
Стихи. Избранная лирика	
Вальс	8
«Этот мир согрет чужим дыханьем...»	10
«Любовь исказила мои черты — опять...»	11
«В чёрном окне проявляется белый город...»	12
«Женщина любит красиво лежать...»	13
«Точно лоно моё отзывалась гитара на его ласку...»	14
«Там, где нас нет и никогда не будет...»	15
«Ты красиво горишь, ярко-красное платье свободы...»	16
«Но сколько чёрных дамских шпилек...»	17
«Замри, многоступенчатое эхо...»	18
«Скульптор лепит лицо любимой...»	19
1. Поэт	20
2. Поэтесса	20
«...и мать их Софья!»	21
«Гулкое небо с бурунами облаков вновь накатило на город...»	22
«Он приступал к убийству осторожно...»	24
«“Не так, не так” — часы стучат...»	26
«В холодной стране Одинокو дождь чаще бывает...»	27
«Луком, перцем, чесноком и табаком пахнет дом...»	28
«Тусклые окна в холодной ночи не обещают приюта...»	29
«А поэту всегда одиноко, потому он и сгинет до срока...»	30
«Масляной краской пахнуло знакомо...»	32
«Давно я ушла, а теперь возвращаюсь...»	34
«Актный зал весны пуст и гол...»	35
«Ломаю шпингалеты, влетает в кабинеты...»	36
«Её не звали — сама пришла...»	37

«Дом усеян моими трупами...»	38
«Дни пустые, точно запятые...»	39
«Стихи никому не нужны...»	40
«Воздух тихого города, предвесеннего вечера...»	41
«Не было или же было? Было...»	42
«В окнах опухшие люди лепят пельмени...»	44
«— Не ходи одна в пещеру, слышишь, детка?...»	45
«Ветер с юга щедр на обещанья...»	46
Любовь № 15	47
«Меня спасли, я вне себя от счастья...»	48
Тополь в больничном сквере на Даудельной...»	49
Любовь № 16	50
Любовь № 17	51
Любовь № 18/19	52
Страдательное	58
«Есть женщины... Только не в русских селеньях...»	59
Ирбит	61

Пьесы

Спящие красАвицы и красавцы. *Сказочная комедия*

1. Ложь	64
2. Намек	90

«Мама» — первое слово, дороже второго.

<i>Мелодрама, обрыдается</i>	101
------------------------------------	-----

Серия «Тюмень полосатая»

ГАНОПОЛЬСКАЯ Елизавета Михайловна

Моток стихоплетных кружев

Избранная лирика.

Пьесы

**Художник А. Кухтерин
Технический редактор Ю. Мандрика
Корректор Н. Тиунова**

**Подписано в печать 01.12.2008 г.
Формат 84x108/32. Гарнитура «PeterburgС», «LazurskiСТТ».
Усл.-печ. л. 6,72.
Тираж 1000 (1-й завод — 200). Заказ № 53.**

Отпечатано в ООО «Издательство Юрия Мандрики»

**Адрес для переписки: 625002, г. Тюмень, ул. Республики, 10.
Тел. (345-2) 24-57-98,
сот. 8-922-48-369-48
e-mail: lukitsch_mandr@mail.ru**

НОВАЯ ЦЕНА

90 руб

коп.

